И. ВАГАНОВ

МЕРА МУЖЕСТВА

Южноуральцы — Герои Советского Союза

SHOUT
SHARE
IT

- Мера мужества
  -
  - ОТ АВТОРА
  - ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ
  - КОМСОМОЛЕЦ ИЗ МАГНИТОГОРСКА
  - КОМАНДИР — ПРИМЕР ДЛЯ СОЛДАТА
  - НА ДВИНСКОМ БЕРЕГУ
  - ОХОТНИК ЗА „ЯЗЫКАМИ“
  - ЗА СЛЕЗЫ МАТЕРИ
  - ОН НЕ ДРОГНУЛ
  - МЕРА МУЖЕСТВА
  - СТРАЖ БАЛТИЙСКОГО НЕБА
  - РАЗВЕДЧИК ЮРЬЕВ
  - ВОЗДУШНЫЙ ФОТОГРАФ
  - ДЕСАНТ В БЕССМЕРТИЕ
  - МОРСКАЯ ХВАТКА
  - ТРУДОЛЮБИВЫЕ РУКИ
  - У АППАРАТА БОЯРШИНОВ
  - ТРУЖЕНИК ВОЙНЫ
  - ЭТО БЫЛО ПОД ХЕРСОНОМ
  - ПЯТЬ ОГНЕВЫХ ДНЕЙ
  - ЗВЕЗДА ГЕРОЯ НЕ ТУСКНЕЕТ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Мера мужества

ОТ АВТОРА

В дни Великой Отечественной войны уральцы показали несгибаемую волю к победе. Их бессмертный трудовой подвиг навсегда останется в памяти народа.

Урал в ту лихую годину стал опорным хребтом страны Советов, кузницей боевой техники.

Но уральцы не только ковали оружие, они мужественно сражались с врагами Родины. Много славных воинов породила суровая уральская земля. Посланцы Урала сражались в Бресте и под Смоленском, на подступах к Москве и Ленинграду, в Одессе и Севастополе, громили фашистскую нечисть под Сталинградом и Курском, на Днепре и Висле. Штурмовали Берлин, спасали Злату Прагу.

Воевали уральцы в разных родах войск. Но куда бы их ни забрасывала фронтовая судьба, добрая слава всегда шла с ними. Всюду слово «уралец» было символом твердой воли, доблести, мужества и отваги.

Во всех боях проявился массовый героизм и мужество личного состава уральских соединений — 85, 112, 153, 170, 174, 363, 365, 375-й стрелковых дивизий, 96-й танковой бригады и 10-го гвардейского добровольческого танкового корпуса.

Мерой мужества сынов и дочерей Урала была беспредельная любовь к Родине, беззаветное служение ей.

Родина высоко оценила подвиги своих сынов и дочерей.

Сотни тысяч уральцев награждены орденами и медалями. Более 800 удостоены самого высокого звании — Герой Советского Союза. 189 солдат и офицеров Челябинской области с гордостью носят это высокое звание.

Последние годы Южно-Уральское книжное издательство выпустило ряд книг, раскрывающих подвиги наших земляков. За каждой — большой кропотливый труд не только авторов, но и всех, кто помогал разыскать документы, адреса, установить фамилии… Трудность сбора материала состоит в том, что, как правило, все Герои, наши земляки, — люди большой скромности и не любят рассказывать о себе. Осложняется поиск еще и тем, что часть Героев не дожила не только до наших дней, но и до счастливого дня Победы: их боевые дела приходится восстанавливать по рассказам однополчан, письмам с фронта, архивным документам, воспоминаниям родных и близких.

Работая над книгой, я постоянно получал помощь от

красных следопытов школ области, родственников Героев, работников военкоматов и лично от Героев Советского Союза. Всем им выражаю сердечную благодарность.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Герой Советского Союза *Григорий Михайлович Лаптев* родился 15 июля 1918 года, в семье рабочего. Окончил школу в поселке Рудничное Саткинского района Челябинской области, затем саткинскую школу ФЗО. Был направлен бурильщиком в геологоразведку Бакальского рудоуправления. В 1937 году комсомолец Лаптев был призван в Красную Армию и зачислен в артиллерийский полк. В 1941 году закончил ленинградское артиллерийское училище. Г. М. Лаптев — участник войны с белофиннами и Великой Отечественной войны. В 1942 году пропал без вести.

Звание Героя Советского Союза присвоено 15 января 1940 года. Григорий Михайлович вторым в Челябинской области получил это высокое звание. Первым был дважды Герой Советского Союза, бывший рабочий Златоустовского металлургического завода С. И. Грицевец, и третьим Героем стал тоже дважды Герой Советского Союза В. С. Архипов, уроженец села Кузнецкое Аргаяшского района.

Елена Ивановна сидела за столом в своей теплой избе и писала письмо. За окном бушевала метель. Порывами налетал от Шихан-горы ветер. Трещал мороз. Но всего этого Елена Ивановна словно не замечала, она старательно выводила каждую букву.

«Товарищ начальник штаба, я, мать красноармейца, обращаюсь к вам со своим наболевшим вопросом. Мой сын взят в РККА в 1937 году и служил хорошо, имея со

мной переписку. «Все хорошо, служу, мама, весело и хорошо», — писал он, и я была спокойна. Живу одна. Он меня все увещал — мама, духом не падай».

Елена Ивановна прислушалась к завыванию ветра, подумала: это здесь так завывает, а что делается в горах! Она беспокойно повернулась к окну.

По улице неслись потоки сухого колючего снега. У ворот и палисадников росли сугробы.

— Во как расходилась, разбушевалась погодушка, — покачала головой Елена Ивановна, не отрывая задумчивого взгляда от окна.

Елена Ивановна беспокоилась не зря. Ее сын вот уже больше месяца не дает о себе весточки. А в газетах и по радио каждый день сообщают о жестоких боях с финскими белогвардейцами. Это почти у самого Ленинграда, а ее Гриша два года служит в тех краях. Что с ним? В последнем письме он спрашивал о товарищах по работе. Просил передать привет мастеру и сказать, что уж очень соскучился по родным местам. Да и руки по труду натосковались. Правда, и здесь им работы хватает, писал он дальше. Пушка любит ласковые трудолюбивые руки. Ее, как малое дитя, каждый день банить надо. Она не терпит ни единой пылинки. И он, наводчик Лаптев, лелеет ее. И все же его рабочие руки тоскуют по обычным делам, которые он привык выполнять на буровой.

Читая письма сына, Елена Ивановна гордилась, гордилась тем, что ее Гришенька не чурается труда, а крепко дорожит званием рабочего человека. Не забывает его и мастер буровой Маркелыч. Однажды при встрече он рассказал Елене Ивановне о том, как ее Гришенька, еще зеленый, не окунувшийся в рабочий котел парнишка, досконально выпытывал у него все секреты работы на буровой. А потом так цепко и смело брался за любое порученное дело и доводил его до конца.

Не изменил своему рабочему правилу комсомолец Лаптев и в армии. Не одно письмо получила Елена Ивановна от командования, много там теплых слов о ее трудолюбивом сыне. Да разве только одно это качество было в его характере? Нет, он был не только трудолюбивым, но и дисциплинированным, и очень, очень внимательным. За два с лишним года службы в армии не проходило недели, чтобы он не отчитался перед матерью. Обязательно напишет, как сам служит и овладевает военными знаниями, как служат его друзья-товарищи. И вот, поди ж ты, больше месяца прошло, а от него ни единой весточки.

Г. М. Лаптев.

Елена Ивановна вновь склонилась к столу. Смахнула не вовремя набежавшую слезу и еще старательнее принялась писать:

> «Уважаемый товарищ начальник штаба, в настоящее время я просто погибаю, не знаю, мой сын жив или нет. Товарищ начальник, я вас прошу, успокойте мое сердце. Жив мой сын или нет? Сын мой Лаптев Григорий Михайлович — Челябинской области, станция Бакал, село Рудничное, Ленина, 15.
>
> *7 декабря 1939 года. Остаюсь Лаптева Олена».*

В то время, когда писала письмо убитая горем мать, советские войска вели бои с финской белогвардейщиной. На одном из участков Карельского перешейка воевал и комсомолец Лаптев. Погода там была под стать той, которая свирепствовала и на Урале. Густые, нависшие над лесом облака медленно плыли, почти касаясь заиндевелых сосен. Мела поземка. Громко насвистывал налетавший с Ладоги ветер. Резкий, колючий, пронизывающий до костей, он обжигал обветренные лица идущих по лесу бойцов. Ледяная крупа не только безжалостно секла лицо, но и ослепляла, набивалась за воротник, и студеные струйки проползали по шее.

Подойдя к кромке леса, бойцы остановились. От них отделился молодой коренастый офицер. Замаскировавшись в тальнике, он прижал к глазам бинокль.

За редколесьем, километрах в пяти, едва просматривались

открытая местность, дорога, полуразрушенные постройки, овраг и окраина поселка. Все было как обычно, как в мирное время.

Шумел сосняк. Раскинулась большая заснеженная поляна, с редкими, продрогшими на ветру березками, с развалившимся стожком сена и будто нарочно разбросанными там и сям приземистыми кустами тальника. На восточной окраине поляны, из черневшего молодого сосняка, высовывались длинные стволы дальнобойных орудий. Возле пушек суетились бойцы: одни подносили снаряды, другие проверяли механизмы, третьи орудовали лопатами, отгребая снег.

Офицер кивнул стоящим за спиной солдатам, взмахнул лыжными палками, как птица крыльями, и стремительно понесся вперед. Вслед за ним, по проложенной лыжне, остальные. У землянки артиллеристов лыжники притормозили.

— Привет пушкарям, — сверкнув белозубой улыбкой, крикнул офицер.

— Вас тем же концом, — отозвался командир огневого взвода Сидоров. — Куда путь держите?

— Во второй дивизион.

— Жмите по лесу. На поляну не выходите. Финские кукушки стреляют.

— Знаем, — отозвался офицер и заспешил.

Сидоров посмотрел вслед лыжникам и шагнул к плотному, широкоплечему, обросшему рыжей щетиной бойцу, возившемуся у пушки.

— Ну как дела, товарищ Лаптев? Все ли в порядке?

— В порядке, товарищ младший лейтенант. Механизмы работают, как часы. Орудие к бою готово. Вон и гостинцы для финнов подготовлены, — Лаптев показал на прикрытую брезентом пирамидку снарядов.

Сидоров откинул уголок брезента и улыбнулся. Потом осмотрел орудие, проверил работу механизмов и довольный ушел к другой пушке.

В это время донеслись раскаты орудийного грома. Гулкое эхо пролетело по вершинам деревьев. Слился воедино гул многих выстрелов. Это соседний дивизион посылал врагу утренние гостинцы.

Артиллерия противника обычно тут же открывала ответный огонь, но в это утро молчала. Передовая врага словно вымерла. Не искушенные в боевых делах бойцы и офицеры могли бы подумать, что наши пушки подавили их огневые точки. Но фронтовики уже знали повадки врага. Молчит он потому, что старается точно засечь наши пушки и накрыть их мощным огнем дальнобоек или разгромить подвижным лыжным десантом. Зная

это, командиры полков, дивизионов, рот и батарей еще бдительнее, еще зорче повели наблюдение.

Лаптев вдруг почувствовал, что сильно продрог, и решил было пойти в землянку погреться. Но в это время из штаба дивизиона на КП батареи пришел приказ — всем находиться у орудий, быть готовым к открытию огня и усилить бдительность: из расположений пехоты поступило донесение, что ночью сквозь наши боевые порядки просочился крупный отряд противника.

Номера быстро заняли свои места у орудий, группы усиленного боевого охранения направились на фланги, а вскоре с правого фланга сообщили, что появились люди в маскировочных халатах. На окрик часовых они ответили стрельбой.

Услышав перестрелку, младший лейтенант Сидоров с несколькими бойцами из взвода прикрытия побежал туда.

Крупный десант, полукольцом охватывая батарею, быстро приближался. Ружейная и пулеметная перестрелка нарастала. Пули вразнобой ударяли в стальные щиты пушек, свистели над головами артиллеристов. Фонтанчики снежной пыли прыгали вокруг пушек.

На противоположной стороне поляны показались финские лыжники. На батарею обрушился свинцовый ливень.

Артиллеристы взялись за карабины и, заняв круговую оборону, повели прицельный огонь.

Молчаливо глядели вверх мощные пушки. Теперь они были бесполезны.

— Надо пушки взорвать и отходить, — дрожащим голосом произнес кто-то.

— Взорвать всегда успеем. Надо им дать по кумполу, а ты — взорвать, — раздался сердитый голос оружейного мастера Пулькина.

— А я говорю, надо взорвать. Вон они как ползут. Далеко ли тут? Метров сто не наберется. Бросятся в атаку, прикончат нас и пушки заберут, — послышался тот же, но уже более решительный голос.

— Правильно, нечего ждать, взрывать надо. — Заряжающий первого орудия метнулся к пушке. Но в это время из зарослей молодого сосняка выскочил командир батареи старший лейтенант Маргулис. Подбежав к первому орудию, он громко подал команду:

— По белофиннам прямой наводкой!

Жерла пушек быстро опустились вниз, заняв параллельное положение с землей. Потом вытянулись по поляне, как срубленные деревья. Послышался скрежет металла, резкий звенящий щелчок и голос наводчика Лаптева:

— Второе орудие к бою готово!

— Огонь! — старший лейтенант взмахнул рукой и резко рубанул ею воздух.

Из ствола лаптевской пушки тут же вырвался снаряд и угодил в гущу ползущих врагов. Потом рявкнул второй взрыв, за ним третий, четвертый… десятый. Поредевшая цепь финнов, прекратив огонь, отползла, подставив себя под удар соседних пушек.

На какую-то долю секунды получилась передышка. Наши бойцы воспрянули духом и почувствовали уверенность. Плотнее сомкнули цепи и повели меткий огонь.

Опомнившись от внезапного удара, финны быстро перегруппировались и открыли ураганный огонь. Замолчало одно наше орудие, потом второе… Пушка Лаптева оказалась под самым жестоким обстрелом. Один за другим выбывали номера расчета. Вот как-то неестественно взмахнул руками и упал навзничь подносчик снарядов, сунулся вперед головой правильный. Оставляя на снегу кровавый след, отполз в ровик заряжающий. Прижав рукавицу к груди, громко крикнул замковой, потом выпрямился, жадно глотнул воздух и со стоном покатился по рыхлому снегу.

Лаптев остался у орудия один. Перестрелка с каждой минутой усиливалась. Враг обходил батарею с обоих флангов.

Лаптева взяла оторопь. На какую-то долю секунды он растерялся. «Справимся ли?» Он неожиданно вспомнил бурового мастера Маркелыча и его поговорку: «Глаза боятся, а руки делают».

— Глаза боятся, а руки делают, — повторил Лаптев, взглянул на противоположную сторону поляны, где появился новый отряд финских лыжников, и начал работать один. Он сам подносил снаряды, открывал затвор орудия, вгонял в казенник тяжелый снаряд, закладывал патрон, щелкнув замком, закрывал ствол, наводил пушку и, сам себе подавая команду, стрелял. Работал до пота, не чувствуя ни страха, ни усталости, думая только об одном: если потребуется, умру, но не отступлю, не оставлю пушку.

Выстрел! И опять те же операции. Лаптев повторял их быстро, четко, методически.

Еще выстрел — а привычные к труду руки уже обнимают новый снаряд. Со звоном закрывается замок. Еще несколько секунд, и снаряд ложится в цель.

В горячке боя Григорий Михайлович не замечал, сколько прошло времени, а неравный поединок длился уже не один час. Давно израсходованы снаряды, лежащие рядом с пушкой. Теперь

за ними приходится ходить за кусты тальника. И Григорий ходил, и ему казалось, что после каждого выстрела расстояние между кустами тальника и пушкой увеличивается, а снаряды становятся все тяжелее и тяжелее. Взяв очередной снаряд, он покачиваясь шел к пушке. Пробегавший мимо Пулькин увидел его и поспешил на помощь.

— Давай подсоблю!

— Помогай! — обрадовавшись появлению товарища, сказал Лаптев.

Двое — не один. Спорится дело. Снаряд за снарядом пошли на врага. Перешедшие было в атаку финны попятились. Совсем рядом послышался голос младшего лейтенанта Сидорова.

— Лаптев, сыпани по левому флангу! А ты, Пулькин, за мной, в атаку.

Пулькин схватил карабин и бросился вместе с группой бойцов на правый фланг, чтобы подальше отбросить противника.

Лаптев опять остался один.

Снаряды с грохотом рвались на противоположной кромке поляны.

Послав очередной снаряд и откинув в сторону стреляную гильзу, Лаптев шагнул к кустам тальника, чтобы взять новый снаряд. Навстречу, опираясь на карабин, шел раненный в ногу младший лейтенант Гусев.

— Товарищ Лаптев, вы тут один?

— Так точно, товарищ младший лейтенант. Один, прямой наводкой жарю.

— У нас там пулемет вышел из строя. Финны отдохнут и опять напирать станут. Пулемет бы надо. Не знаешь, где запасной?

— Знаю.

— Ну так беги, тащи. Я тут прикрою тебя и пушку.

— Есть! — ответил Григорий Лаптев и метнулся к землянкам. Пробегая мимо конюшен-времянок, заметил постороннего человека.

— Кто такой? — окликнул его Лаптев. Человек шарахнулся в сторону, мелькнул между стволами деревьев и прижался к сосне. Лаптев шагнул за ним. В ту же секунду прогремел выстрел. Над головой артиллериста просвистела пуля.

— Ну погоди, гад! Ты от меня не уйдешь! — прошептал Григорий.

Белофинн прыгнул в ровик. Но Григорий уже подскочил к брустверу и громко крикнул:

— Вылезай!

В ответ выстрел.

— Ах, так!

Припав к брустверу и поймав на мушку ползущего врага, Лаптев двумя выстрелами уложил его. Потом зашел в землянку, взял пулемет, диски и поспешил к младшему лейтенанту Гусеву.

— Спасибо, браток, выручил. Жми тут, а я пойду, — и Гусев заторопился на правый фланг, где вновь затараторил вражеский пулемет.

Воспользовавшись минутным молчанием пушки, белофинны поднялись в атаку.

— Ага, опять зашевелились. Мало вам дали? Ну и получите! — Лаптев зарядил пушку и припал к панораме.

Отбивая пятую в этот день атаку, Григорий Лаптев был подобен капитану Тушину, о котором еще в школе писал сочинение, когда изучали «Войну и мир». Он олицетворял собой самоотверженность и огромную жизненную силу русского человека перед лицом опасности, грозящей его родной земле.

К концу дня многочисленная банда налетчиков была разгромлена. Свыше ста пятидесяти трупов противника осталось на заснеженной поляне. Более тридцати понурых, прячущих глаза белофиннов-солдат Пулькин и младший лейтенант Гусев проконвоировали в тыл дивизиона.

Так окончился поединок дальнобойной пушки с батальоном пехоты.

По-хозяйски сложил в пирамидку стреляные гильзы наводчик Лаптев, тыльной стороной ладони провел по потному лицу, облегченно вздохнул и радостно улыбнулся, точно так, как бывало на буровой, после смены, когда оставался доволен не напрасно прожитым днем.

А в далеком уральском селе солдатская мать читала ответ комиссара полка.

«Многоуважаемая Елена Николаевна!

Ваш сын, Григорий Михайлович, — отважный, смелый и находчивый воин. Во время боя он, находясь под сильным ружейно-пулеметным огнем противника, прямой наводкой расстреливал врага метким огнем из орудия. За проявленный героизм и отвагу командование представило вашего сына на присвоение ему звания Героя Советского Союза.

Мы гордимся вашим сыном, патриотом великого советского народа, и от всего сердца благодарим Вас за то, что Вы сумели воспитать такого героя для нашей социалистической Родины.

Комиссар полка — Дядюшин».

КОМСОМОЛЕЦ ИЗ МАГНИТОГОРСКА

Чипышев Василий Иванович **родился 31 июня 1916 года в селе Янгельском Агаповского района Челябинской области, в семье крестьянина. В 1928 году семья Чипышевых переехала в город Магнитогорск на строительство металлургического комбината. Здесь он окончил школу, затем курсы финансовых работников и был направлен в трест столовых вначале на должность счетовода, а затем бухгалтера. Отсюда он ушел в Красную Армию. Солдат Чипышев сражался с немецкими захватчиками на Волжских кручах, потом на Воронежском фронте, в степях Дона и Донбасса. Форсировал Дон, Северный Донец, Днепр. За боевые подвиги награжден медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда» и орденом Отечественной войны II степени. Звание Героя Советского Союза присвоено 26 октября 1943 года за подвиг на правом берегу Днепра.**

За солдатом Чипышевым закрепилась слава лучшего наводчика в дивизии. Эта слава вольной птицей пролетела по широким донским просторам, гремела у Донца, прошла Донбасс, перешагнула Днепр и прокатилась по всей Украине.

В каждом бою, в каждой смертельной схватке с врагом солдат Чипышев умножал славу русского оружия. Как-то юго-восточнее Ворошиловграда, на излучине Северного Донца, во время затяжного боя, смяв наш передний край, на артиллерийские позиции вырвались 15 фашистских танков. Три ринулись на чипышевскую пушку. Впереди — «тигр». Расчет Чипышева первый раз встретился с этой грозной машиной, о неуязвимости которой так много кричали гитлеровцы.

Чуть подавшись вперед, Василий Иванович с опаской и

любопытством разглядывал «тигра». За его спиной волновались бойцы расчета. Замковой Дорменко тревожно сказал:

— Хлопцы, беда до нас пришла!

Чипышев обернулся. По его задубелому от ветра и солнца лицу пробежала улыбка, и бойцы услышали знакомый окающий уральский говорок.

— Вот и хорошо. Бей его, ребята, лупи по рылу. Сдерем с «тигра» шкуру, добрые будут воротники невестам, — и озорно подмигнул.

Безобидная шутка была брошена вовремя. Она встряхнула, подбодрила бойцов. Расчет пришел в движение. А скоро пушка заговорила неистово, грозно, так же, как грохотала на берегу Волги.

В. И. Чипышев.

«Тигр» шел, словно заколдованный, стремительно приближаясь к пушке. Василий видел, как снаряды, высекая мириады искр, рикошетили но броне и рвались во вражеском тылу. «Не берет!» — одними губами прошептал он и склонился к панораме. На пути «тигра» в это время оказался не то овражек, не то воронка. Обходя препятствие, он подвернул борт, подставив его под удар пушки. Секунда — и доводка сделана. Из-под гусеницы «тигра» вырвался черный столб земли и дыма. Машина

рванулась вперед и выбросила снаряд. Он просвистел над головой Чипышева и ухнул где-то далеко в тылу. В это же время второй снаряд, пущенный Чипышевым, прошил броню «тигра». Зачадила, окутавшись дымом, еще минуту назад грозная, а сейчас безжизненная стальная крепость.

— Ага, напоролся! — сверкнул белозубой улыбкой Дорменко и одним заученным, ловким движением поставил замок в боевое положение.

— Вася, бей их! Бей по второму! — разгоряченный боем крикнул сержант Дорохов.

По щиту пушки забарабанили осколки. Дымом и пылью окуталась огневая. Рядом копошился Дорменко, перевязывая сержанта. Крепко сжав зубы, чтоб не стонать, сержант смотрел в сторону немцев. А когда танк подошел совсем близко, скомандовал:

— Огонь!

Но выстрела не последовало: Чипышев словно не слышал команды. Он сосредоточенно следил за врагом, и как только танк оказался в перекрестье прицела, раздался выстрел. Потом второй. После третьего выстрела танк вспыхнул, обнажив прижавшихся к нему пехотинцев.

— Вася, по пехоте, по пехоте осколочным! Осколочным!

— Есть осколочным, — работая за заряжающего и наводчика, ответил Василий.

— Удирают! Удирают! Фрицы удирают! — по грудь высунувшись из ровика, крикнул Дорменко. Но радость была преждевременной. Не успели артиллеристы и автоматчики перевязать раны и запастись боеприпасами, как из балки выползли вражеские танки. Вслед за ними высыпала пехота. И опять загрохотала чипышевская пушка.

В том бою артиллерийский расчет Чипышева уничтожил три вражеских танка. Десятки гитлеровцев нашли свою смерть на правом берегу Северного Донца. Здесь же, в освобожденном от гитлеровцев хуторе, командир дивизии гвардии полковник Николаев вручил Василию Ивановичу вторую награду — орден Отечественной войны II степени.

Мужественно сражался Василий Иванович и в последующих боях. Много раз о его фронтовых делах писали в армейской газете, выступал он и перед артиллеристами соседних полков, рассказывая о слаженной работе своего расчета. 27 сентября, на рассвете, сообщала фронтовая газета, расчет Чипышева со своим орудием в составе десантников первый переправился на правый берег Днепра. Заняв плацдарм на окраине села Погребная Балка, десантники несколько дней отбивали яростные атаки врага. Были

дни, когда десятки фашистских самолетов сыпали на головы гвардейцев бомбы. Но ни яростные атаки с воздуха, ни шквальный огонь противника, ни зловещий рев танковых моторов — ничто не могло сломить воли советских воинов. Отбив не один десяток атак и измотав силы врага, гвардейцы сами перешли в атаку.

И опять покатилась чипышевская пушка по фронтовым дорогам, уничтожая на своем пути вражеские опорные пункты. Только не шел в строю однополчан храбрый магнитогорец.

Случилось это 10 октября 1943 года. Отбив две танковые атаки врага и уничтожив три средних танка, а последним снарядом прошив броню «пантеры», солдат Чипышев бросился с карабином в руках на фашистскую стальную крепость, чтоб пленить экипаж. Он вскочил на танк и крикнул:

— Эй, гады! Приехали, вылезайте! — и с силой стукнул прикладом по броне.

Таким возбужденным, с горящими неудержимым гневом глазами и вскинутым в руке карабином запомнили его однополчане. В это время притаившийся в канаве фашистский офицер выстрелил.

27 октября 1943 года в батарее, где мужественно сражался Василий Чипышев, узнали о том, что Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 октября 1943 года гвардии ефрейтору Василию Ивановичу Чипышеву присвоено звание Героя Советского Союза. В тот же день в Магнитогорске на улице Ленина, в доме № 46 Елене Васильевне Чипышевой вручили конверт.

> «Ваш сын, Чипышев Василий Иванович, — писал командир части, полевая почта 07236, майор Григоренко, — погиб 10 октября 1943 года и с воинскими почестями похоронен в селе Погребная Балка Киевской области».

Тяжело было горе матери, но она не пала духом. Елена Васильевна садится за стол и дрожащей рукой пишет наказ своим сыновьям-фронтовикам, а также однополчанам Василия Ивановича.

> «Дорогие мои сыночки, Иван и Николай! Дорогие бойцы Красной Армии!
>
> Смертью храбрых погиб мой сынок Василий. Никогда больше не вернется в семью ваш веселый, ласковый братишка.
>
> По степям Украины, вдоль берегов Днепра идет

слава о нем, как о неустрашимом богатыре, славном герое-освободителе. Я никогда не бывала в тех краях и людей тех, которых освобождал Василий от фашистской неволи, не знаю. Но я благословляю всех наших воинов на ратные подвиги.

Дети мои дорогие! Вы знаете, как каждого из вас ждет мать. Как я жду своих сыночков, как хочется мне видеть вас живыми и здоровыми, прижать поскорее к своей груди. Но я не зову вас сейчас назад. Вот мой материнский наказ. Бейте лютого врага беспощадно. Громите, жгите его, чтоб следа его не осталось на нашей земле. Бейте за себя и за Василия, которого сразили подлые враги. Пусть сила брата перейдет в вас.

А если не судьба кому вернуться к своей матери, будьте до последнего часа такими же честными и храбрыми, каким был ваш брат, Герой Советского Союза Василий Чипышев.

1 ноября 1943 года, мать Елена Васильевна Чипышева».

Письмо читали солдаты и офицеры в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии. Читали его и на берегах Буга, где чипышевская пушка продолжала громить врага. А вскоре в дом № 46 по улице Ленина пришли десятки конвертов.

«Буду достойным своего брата», — писал из Прибалтики командир пулеметного взвода, старший сын Елены Васильевны, младший лейтенант Иван Чипышев.

«Даю священную клятву, что отомщу за смерть своего брата и буду таким же, как он, бесстрашным. Через горы трупов гитлеровских бандитов понесу на запад славу русского оружия, славу своего брата», — вторил ему младший брат Николай. «Буду трудиться так, чтобы каждый грамм выплавленного мной металла бил по врагу», — заявил средний брат, сталевар Виктор Чипышев.

«Дорогая мама! — писали однополчане Василия Ивановича. — Честь и славу вашего сына, а нашего боевого друга, мы не уроним и не помрачим. А еще выше поднимем его славу и славу русского оружия».

Свое слово советские воины сдержали. Младший лейтенант Иван Чипышев с боями прошел от стен Ленинграда до Кенигсберга и с победой вернулся домой. Виктор Чипышев всю войну варил сталь, работая за троих, а иной раз и за четверых. Это он и тысячи тружеников Магнитки приготовили каждый третий снаряд для фронта. Это он плавил броневую сталь, сокрушавшую гитлеровцев. За беззаветный труд во имя Родины в

годы Великой Отечественной войны Виктор Иванович трижды награжден орденом «Знак Почета» и двумя медалями.

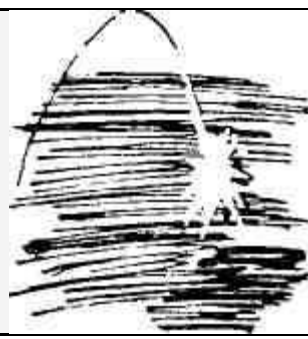
Не уронил честь братьев и самый младший сын Елены Васильевны — Николай, боец Уральского добровольческого корпуса. Он с боями прошел от Курска но Кракова, но не дожил до светлого дня Победы — погиб, освобождая землю братской Польши.

КОМАНДИР — ПРИМЕР ДЛЯ СОЛДАТА

Спиридон Кириллович Полищук **родился 20 декабря 1916 года в селе Кайтановка Кантемировского района Киевской области. В 1933 году окончил семилетку, затем курсы комбайнеров и был направлен на работу в свой колхоз. В 1936 году вместе с родителями переехал на Урал в село Сосновку Кизильского района Челябинской области, где и работал до призыва в ряды Красной Армии.**

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и пятью медалями.

Звание Героя Советского Союза присвоено 29 июня 1945 года. Ныне гвардии майор запаса С. К. Полищук живет в селе Кизильском, работает в райпотребсоюзе.



Когда Спиридону Кирилловичу присвоили звание Героя Советского Союза, он командовал стрелковым батальоном. А до войны работал комбайнером, водил трактор, искусно владел слесарным инструментом, ремонтируя в зимнюю пору сельскохозяйственные машины. Война заставила молодого механизатора отложить любимое дело, пойти в военное училище. Колхозный механизатор стал офицером.

Полк, в котором служил Спиридон Кириллович, оказался в самом пекле войны. Шли ожесточенные бои под Ленинградом, на берегах Ладоги, у станций Кириши, Чудово, на Синявинских высотах и под Новгородом. Много раз молодому лейтенанту приходилось водить свою роту в атаку, совершать ночные опасные рейды. А сколько форсировал больших и малых рек, прежде чем стал настоящим боевым командиром!

В ликвидации группировки гитлеровцев на Земландском полуострове Спиридон Кириллович проявил себя не только как умелый командир, способный разгадать замысел врага и малыми силами разгромить его, но и как храбрый воин.

При прорыве сильно укрепленной многоэшелонированной обороны немцев северо-западнее города Побетен 13 апреля 1945 года капитан Полищук преодолел мощный огонь противника и без потерь сумел вывести свой батальон на нейтральную территорию. Ползком миновали ее. Сосредоточились во фланге гитлеровцев. И в тот момент, когда каждый солдат и офицер ждал команды, чтоб ринуться в атаку, враг заметил их и тут же обрушил на батальон сильный пулеметный, минометный и артиллерийский огонь.

Положение создалось самое критическое. Требовалось преодолеть плотный огневой заслон, пробежать сотни полторы метров пылающей земли, ворваться во вражеские траншеи и захватить их. Захватить… Но как это сделать? Батальон лежит на открытой местности, а гитлеровцы скрыты в глубоких окопах и траншеях. Их пулеметы и автоматы прошивают каждый сантиметр пространства. Поднимись — и плотный огонь скосит цепь. Но и медлить нельзя, вражеские пушки и пулеметы уничтожат, смешают батальон с дымящейся землей.

Спиридон Кириллович ясно понял, что успех батальона и его спасение зависят от одного рывка вперед. Может быть, от порыва одного человека. Но кто, кто будет этим человеком? Ведь каждый знает, что тот, кто поднимется первым, принимает весь огонь на себя. Но знал комбат и другое: боевой клич того, кто поднялся первым, и даже его гибель бросают солдатские цепи вперед. И вот в этот опасный момент, когда, казалось, никакая сила не сумеет оторвать от земли солдат, поднялся капитан Полищук.

— Батальон, за мной!

Грохнула удачно брошенная кем-то граната, уничтожив вражеский пулемет. Захлебнулся гитлеровский миномет. Зачадил выползший навстречу танк, заерзал на месте с перебитой гусеницей второй, сползла в овражек подбитая самоходка, и батальон с громким криком «Ура!» ворвался в первую линию траншей.

Ошеломленные дерзостью советских воинов, оставив на поле боя свыше ста трупов солдат и офицеров, сто двадцать винтовок и автоматов, девять пулеметов, два готовых к бою орудия, тысячи патронов и снарядов, гитлеровцы в панике отступили.

В протараненную батальоном брешь вошли юркие тридцатьчетверки. Вслед за ними — полк, дивизия. Прогрохотали пушки. Мощная оборона врага рухнула.

На подступах к крупному промышленному городу Раушен, опоясанному железобетонными фортами, многочисленными дотами, бетонированными брустверами окопов и траншей, гитлеровцам удалось остановить продвижение наших войск. На передовой наступило затишье, какое обычно бывает перед решающим сражением.

С. К. Полищук.

Изучив местность, капитан Полищук явился к командиру полка подполковнику Маршавину и развернул перед ним трехверстовку.

— А что, если вот этим заболоченным лесом да и пробраться в тыл к фрицам. Свалимся на них как снег на голову — даю слово, не выдержат.

Подполковника давно занимала эта мысль. Он сам продумывал дерзкий план. И вот теперь перед ним стоял капитан Полищук. Подполковник в который раз склонился над картой, помолчал, вскинул на комбата воспаленные от бессонницы глаза.

— Дай срок. Подумаю, доложу командиру дивизии. А план-то рискованный…

— Вы же, товарищ подполковник сами нам не раз говорили, что бой выигрывает тот, кто не боится риска, — спокойно ответил

Спиридон Кириллович.

Командир дивизии полковник Блинов одобрил план комбата. И вот батальон Полищука идет заболоченным лесом. Глухая полночь. Тропка узкая. Солдаты ступают осторожно, молчат.

К рассвету вышли в открытое поле. Сквозь утреннюю дымку слева проглядывались аккуратно подстриженные деревья, кусты акации, черной лентой стлалась дорога. Вправо ощетинился сотнями пушек, минометов и пулеметов кирпичный Раушен.

Разведка донесла: путь в город свободен. Атака была ошеломляющей. Застигнутые врасплох гитлеровцы, как и предполагал Спиридон Кириллович, не приняли боя. Одни предпочли спастись бегством, другие, подняв руки, сдались на милость победителей.

800 гитлеровских солдат и офицеров сложили оружие, 17 орудий, 100 автомашин с военным имуществом, сотни винтовок, автоматов и пулеметов, десятки тысяч патронов, гранат и фаустпатронов были трофеями батальона.

Продолжая преследовать отступающего противника, окружили город Георгенсвальден и разгромили «группировку численностью в 500 человек с 28 орудиями, 5 танками и другой техникой. При этом было захвачено в плен 400 человек, 24 орудия, более 30 автомашин, 8 складов и другое военное имущество»[1]. Так доносил командир полка подполковник Маршавин командиру дивизии полковнику Блинову о дерзком рейде батальона капитана Полищука.

Спустя три дня, подводя итоги наступательных боев в районе укрепленного узла Раушен, подполковник Маршавин писал в донесении на имя командира дивизии:

> «За весь период наступательных боев батальон товарища Полищука прошел в тяжелых боях более 30 километров, захватив более 2500 пленных, 50 самолетов, 32 орудия, 150 автомашин, 9 складов с разным военным имуществом и много лошадей и повозок вражеского обоза. Действиями батальона т. Полищука было обеспечено продвижение всего полка и частей, действующих на левом фланге»[2].

НА ДВИНСКОМ БЕРЕГУ

Александр Андреевич Суслов **родился в 1906 году в городе Кыштыме Челябинской области, в семье рабочего механического завода. Четырнадцатилетним пареньком был определен учеником токаря в тот же цех, где работал отец. В июле сорок первого года токарь Суслов становится первым номером станкового пулемета на одном из участков Западного фронта.**

В 1942 году мужественный пулеметчик был принят в ряды Ленинской партии, за период боев четыре раза был ранен и после каждого ранения возвращался в действующую армию. Звание Героя Советского Союза присвоено в 1944 году. Награжден Орденом Славы III степени и медалями.

Александр Андреевич живет в городе Кыштыме. Персональный пенсионер.

Случилось это летом 1944 года. Дивизия, в которой служил сержант Суслов, несколько дней насмерть билась у стен древнего русского города Полоцка. Не раз поднимались полки в атаку, но фашисты из-за толстых кирпичных городских стен, из бойниц поливали наших воинов градом раскаленного свинца.

Резервы иссякли, а приказ надо выполнить. В распоряжении комдива только учебный пулеметный батальон, скомплектованный из опытных, прошедших многие фронтовые дороги солдат и сержантов. Это золотой фонд дивизии. Но выхода нет. И комдив генерал Басов решил создать небольшую группу из курсантов, под прикрытием темноты переправить ее на противоположный берег реки и неожиданным ударом во фланг вызвать панику в стане врага.

Через час генерал Басов стоял перед выстроившимся батальоном.

— Товарищи курсанты, — заметно волнуясь, говорил он, — вся надежда на вас, на ваш боевой опыт. Вам не раз доводилось проникать в стан врага и нагонять на него страх. Сослужите Родине и на этот раз.

Вечером командир учебного батальона вызвал Суслова и сержанта Иванишко. Разговор был коротким: комбат приказал выдвинуться южнее Полоцка, форсировать Двину, закрепиться на занятом плацдарме и отвлечь на себя гитлеровцев.

— Пойдете двое, — сказал командир на прощанье, — старшим назначаю вас, товарищ Суслов. Станковый пулемет и боеприпасы готовы. Ну а лодку найдете. Желаю успеха. В случае чего, вас прикрывают минометчики.

Через час группа пулеметчиков была на исходном рубеже. Вскоре нашлась утлая лодчонка, на ее дно поставили пулемет, коробки с лентами…

Переправа прошла благополучно. На окраине села, к которому вплотную подходило ржаное поле, оборудовали огневую. Сержант Иванишко отправился в обратный путь за боеприпасами. Оставшись один, Суслов вслушивался в предутреннюю тишину: доносились всплески воды, шумела начавшая колоситься рожь. Где-то вдали завывали моторы автомашин, надсадно гудели танки.

А. А. Суслов.

До окопов противника было не больше двадцати метров. Начинался рассвет. Утренняя дымка быстро рассеивалась, обнажая село, рощу и ржаное поле. Гитлеровцы появились в тот момент, когда яркие лучи солнца осветили вершины деревьев. Шли нагло, в полный рост.

«Подпущу метров на сорок», — решил Суслов.

Цепь гитлеровцев приближалась, и сержант Суслов нажал на гашетку. Плотная цепь распалась. Одни звенья, попятившись, скрылись за холмом, другие залегли. Только немногим удалось доползти до траншей. Они-то и открыли ответный огонь.

Ободренные автоматной стрельбой и подгоняемые офицерами гитлеровцы короткими перебежками стали продвигаться вперед. Суслов встречал их метким огнем.

Не один десяток фашистов навечно остался лежать на крутом двинском берегу. Но те, что оказались в траншее, обозленные дерзким вторжением в их боевые порядки, стали обходить мужественного пулеметчика. Вот уже слышны их голоса… Длинная очередь — и враг откатывается.

Нещадно палит солнце. Отбито четыре вражеских атаки. В пулемет заправлена последняя лента, подготовлены гранаты.

Пальцы рук привычно лежат на гашетке. И опять послышались злобные выкрики:

— Рус, сдавайсь!

— Нет, не дамся я вам в руки, — шепчет Суслов и нажимает на гашетку.

Вздрагивание пулемета и мелодичное «та-та-та» прекратились неожиданно.

— Все! — громко сказал Суслов и взял связку гранат.

Сзади прошумело, послышалось прерывистое дыхание. Суслов тревожно оглянулся. К нему подполз сержант Иванишко с тяжелым грузом пулеметных лент и незнакомый солдат с пулеметом.

Замолчавший «максим» вновь зататакал. К нему присоединился «дегтярев».

Десять вражеских атак отбили храбрые пулеметчики. А когда на помощь им пришел весь пулеметный батальон, враг дрогнул, попятился. Более трехсот трупов вражеских солдат и офицеров осталось перед стволом сусловского пулемета. Не удержались гитлеровцы и за крепкими стенами древнейшего Полоцкого кремля. За этот подвиг Александр Андреевич удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Было это в июне 1944 года.

ОХОТНИК ЗА „ЯЗЫКАМИ“

Николай Федотович Лобырин **родился 20 декабря 1920 года в селе Неплюево Карталинского района Челябинской области, в семье крестьянина. В селе он окончил школу, вступил в комсомол, познал первую радость труда в колхозе.**

Любознательного юношу скоро заметили и направили на краткосрочные курсы учителей — в учительских кадрах крайне нуждалась страна. Школьники и молодежь села Варшавское полюбили молодого учителя, а он был влюблен в свою профессию и приготовился посвятить ей всю жизнь.

Но жизнь распорядилась иначе. В 1940 году его призвали в армию и направили в воздушно-десантный полк.

Через год он стал командиром отделения. В декабре 1943 года был удостоен звания Героя Советского Союза. В настоящее время Николай Федотович живет и работает в Челябинске.

Декабрь 1941 года. Николай Лобырин на самом боевом участке фронта — у стен Москвы.

Крепкие, закаленные в походах десантники ворвались во вражеские траншеи. Они преследуют противника, но рота, в которой сержант Лобырин командует отделением, наталкивается на сильное сопротивление врага. Десантники прижались к запорошенной снегом земле и повели огонь. А из леса цепь за цепью уверенно выходят гитлеровцы. Кое у кого из десантников вот-вот сдадут нервы. Тогда поднимается политрук.

— Рота! За Родину, за Москву! Вперед!

— Отделение, за мной! — поднявшись вслед за политруком, командует сержант Лобырин. За спиной уже гремит «Ура!». Отделение, взвод, рота, батальон в едином порыве устремляются

на врага и, не выдержав мощного штыкового удара, гитлеровцы в панике бегут, бросая автоматы, пулеметы, пушки, танки.

Так произошло боевое крещение уральского комсомольца Николая Лобырина.

…Шли дни и недели. Взвод Лобырина с боями продвигался вперед.

28 апреля 1942 года командир воздушно-десантного полка подполковник А. Е. Пшеничный вызвал к себе Николая Федотовича, за плечами которого к тому времени было до десятка прыжков в тыл врага, взорванные доты, мосты и переправы, а также около «языков».

— Товарищ Лобырин, мы тут посоветовались с начальником штаба и комиссаром, ну и решили преподнести командиру дивизии подарок в честь Первого Мая. Вам поручаем. Как вы на это смотрите?

Это было похоже на просьбу, но Лобырин понимал, что это приказ, и знал, о каком «подарке» говорит подполковник.

Николай отобрал 12 самых крепких и выносливых солдат и сержантов. Распределил их на три группы. Так уж повелось у десантников: идешь в тыл врага — знай, что кому делать. Штурмовая группа — смелому и горячему Арзиеву, группа прикрытия — расчетливому и упорному Петру Краснову. Сам возглавил группу захвата.

Н. Ф. Лобырин.

Два дня провели на ничейной земле. Впереди ровное поле: ни кустика, ни лощинки. Куда ни сунься, как на ладони. А тут еще мины: перед вражескими траншеями проволочное заграждение в три кола. Казалось, к переднему краю не подступиться. Но на помощь пришли саперы: на рассвете, когда все реже стали вспыхивать осветительные ракеты-парашютики, а сторожевое охранение противника, уверенное в неприступности своих позиций, снизило бдительность, четверо саперов прорезали в минном поле и проволочных заграждениях проходы. В них тотчас устремились десантники.

Штурмовая группа уничтожила боевое охранение, две пулеметные точки с расчетами, взорвала дот и противотанковую пушку. Группа захвата ворвалась в блиндаж. Минута — и во рту немецкого офицера оказался кляп, а руки его крепко стянули ремни.

Командир взвода Лобырин отдал приказ отходить. Группа прикрытия заняла свое место. Через час, уничтожив свыше 40 гитлеровцев, Лобырин и его товарищи вернулись. «Язык» дал ценные сведения…

Осенью 1943 года Лобырин со своей ротой участвовал в форсировании Днепра. На окраине села Мишурин Рог его бойцы овладели высотой, которая на карте штаба полка и дивизии так и была помечена — «Высота Лобырина».

Радист десанта Василий Устюгов передавал тогда в штаб: «Высота занята и укреплена. Отбили первую атаку танков и пехоты. Заверяем, что враг к реке не подойдет. Будем стоять насмерть!»

И они выстояли. Три дня отбивали по пять, по шесть вражеских атак. На четвертый пришла помощь, а рота Лобырина получила новое задание — на войне отдыхать некогда.

Идут лобыринские бойцы от села к селу, от хутора к хутору и в короткие минуты отдыха вспоминают минувшие бои. А вспоминать им есть что — 27 парашютных десантов совершили они по ближним и дальним тылам врага. 20 дотов, 5 мостов через большие и малые реки взорваны ими. Более шестидесяти «языков» сдал Николай Федотович со своей группой в штаб дивизии.

И, самое главное, как он, так него рота в этих ответственных рейдах возмужали, набрались опыта, развили солдатскую сметку. Ведет Николай Федотович роту украинскими шляхами, оглядывает степные просторы, а в памяти возникают картины боев зимой 1941—1942 годов. Тяжелое было время. В руках отброшенного от Москвы врага Украина и Белоруссия, Прибалтика и зажатый в огненное кольцо Ленинград,

Смоленщина и Брянщина. В ту тяжкую зиму взвод Лобырина высадился во вражеском тылу, западнее города Старая Русса. Задача — уточнить наличие вражеских резервов на данном участке фронта и достать «языка», по возможности из штабистов. Двадцать дней лейтенант Лобырин и его бойцы изучали окрестности города, зорко следили за дорогой Дно — Старая Русса.

Тогда красноармеец Петр Краснов обратил внимание на светло-серый «оппель-капитан». Он показывался регулярно, как по расписанию, через день в одно и то же время. Дорога в те часы была пустынна. «Оппель» сопровождали мотоциклы.

— Важная, видать, птица ездит, — докладывая командиру взвода, сказал Краснов и, помолчав, добавил: — Вот бы заарканить.

— И заарканим, — горячо подхватил сержант Степкин. — Как ваше мнение, товарищ лейтенант?

— Надо подумать, стоит ли овчинка выделки, — уклончиво ответил Лобырин.

И все-таки решились. Но как? Минировать дорогу или забросать машину гранатами? Но ведь конвой может открыть огонь. Да и шуму сколько будет от взрыва. А польза? Будет ли? Пришла на помощь русская смекалка. В соседнем селе достали пилы, разжились проволокой. Выбрали самое узкое место дороги, как раз у поворота. Один конец проволоки привязали к дереву, протянули ее поперек дороги, хорошенько замаскировали. Подпилили несколько сосен и стали ждать.

Было ясное морозное утро. Мимо прошел обоз. Проползли танки. Поспешно проскочило до батальона мотопехоты. Усиленный конвой гитлеровцев прогнал партию пленных. Десантники крепко сжимали в руках автоматы. Руки так и рвались к гранатам. Кровью обливались сердца бойцов при виде попавших в беду товарищей. Но пока они ничего не могли сделать.

Вскоре дорога очистилась. Прошло еще несколько томительных минут, и послышался рокот моторов. Он быстро нарастал. Бойцы приготовились: двое держатся за концы проволоки, чтобы в мгновение натянуть ее, как струну. Четверо присели у сосен: еще два рывка пилой, и сосны рухнут, преградив машинам путь. Как только из-за поворота вынырнули мотоциклы, проволока тотчас натянулась. Срезанные ею полетели в кювет мотоциклисты. В ту же секунду поперек дороги рухнули деревья. Попавшие в ловушку гитлеровцы молча подняли руки.

Возвращаясь в дивизию, взвод Николая Федотовича взорвал три дота, мост через реку Ловать, уничтожил пять пулеметных

точек с расчетами, два миномета, свыше ста гитлеровцев и без потерь вернулся в родную роту.

И так всю войну бывший учитель из Карталов, человек мирной профессии, верно служил своему народу, и народ оценил его по заслугам: Золотая звезда Героя украшает грудь нашего земляка, а за околицей цветущего села Мишурин Рог, что на правом берегу Днепра, высится холм, тот, который назывался на штабных картах «Высотой Лобырина».

ЗА СЛЕЗЫ МАТЕРИ

Герой Советского Союза *Крылов Николай Николаевич* родился в 1918 году в селе Петропавловка Уйского района Челябинской области, в семье крестьянина. Здесь он окончил школу, вступил в комсомол, стал трактористом. Отсюда в 1940 году ушел в армию.

На призывном пункте было шумно и оживленно. Из кабинета, где заседала комиссия, то и дело выходили гололобые новобранцы. Одни с улыбкой, другие насупленные и хмурые.

К ним тотчас подбегали товарищи и задавали один и тот же вопрос:

— Ну как?

Вот из распахнутой двери кабинета вышел широкоплечий загорелый паренек. Его тотчас окружили, и посыпались вопросы.

— Ну как, годен?

— Куда зачислили? В пехоту? В кавалерию?

— В танкисты, — широко улыбнувшись, ответил будущий солдат.

Так тракторист Петропавловского колхоза Николай Крылов оказался курсантом полковой школы механиков-водителей.

Быстро бежали дни, заполненные учебой. Незаметно подошли к зачетам. Курсант Крылов показал отличные знания и был зачислен на должность инструктора-водителя в 21-ю учебную танковую бригаду. Там и застала его Отечественная война. В первый же день он подал рапорт о направлении его на фронт. Но командование сказало: «Ты здесь нужен».

Николай это понимал. Ведь он обучал технике вождения танков молодых солдат. Многие из них были такие же, как в

прошлом он, колхозные трактористы. Любознательные, пытливые, они тянулись к знаниям, засыпая молодого инструктора десятками вопросов. Но случалось и так, что тот или другой вопрос ставили его в тупик. Тогда на помощь приходили бывшие фронтовики: они подробно рассказывали о тактике врага, его повадках, об уязвимых местах его танков, а так же борьбе с ними. Николай всегда чувствовал их локоть, и сам мечтал быть таким же, как они, пропахшие пороховым дымом, умудренные боевым опытом. На фронте уже воевали его отец и младший брат Александр. Рапорт за рапортом подает он батальонному командиру и каждый раз получает отказ.

Однажды серенький, из оберточной бумаги треугольник принес ему горестную весть: мать писала, что в боях за Родину погиб Сашок, что отец мстит за его смерть.

— Все. Еду на фронт, — заявил Николай командиру роты и, минуя батальонного, направился в штаб бригады.

Командир не без волнения прочитал письмо матери. Осторожно свернул испещренный каракулями листок бумаги, вернул его Николаю и спросил:

— Брата хочешь заменить?

— Так точно, товарищ комбриг, — твердо ответил тот.

Комбриг вышел из-за стола, подошел к Николаю, крепко обнял его:

— Иди. На Руси исстари так заведено: сын становится на место отца, брат заменяет брата.

Через пять дней сержант Крылов был уже в экипаже лейтенанта Сулимова. Башенный стрелок, видавший виды солдат Кузнецов и стрелок-радист Шаповалов приветливо встретили новичка. Слушая рассказы своих новых друзей, Николай думал: сумеет ли он выстоять, не дрогнет ли его рука в самую тяжелую, в самую опасную минуту. И тут же мысленно отвечал: «Нет, не дрогнет, не ослабнет рука, и хватит мужества двинуть танк на пушку или пулемет врага». И все-таки, когда лейтенант Сулимов приказал готовиться к бою, Николая взяла оторопь. Но глядя, как спокойно запасаются боеприпасами Кузьмин и Шаповалов, как внимательно изучает карту лейтенант, успокоился. Тщательно проверил мотор, ходовую часть, натянул на голову шлем и втиснулся на свое место, взялся за рычаги.

Было это южнее города Лебедин. Танковое соединение получило приказ прорвать сильно укрепленную линию гитлеровцев, овладеть населенным пунктом Чернухи и развивать наступление.

Этот первый бой на всю жизнь остался в памяти Николая Николаевича. На самой высокой скорости шли тогда наши танки.

Не сбавляя хода, ворвались во вражеские траншеи. Советские автоматчики попрыгали с танков и навязали гитлеровцам ближний бой. В траншеях шум, крик, паника. И вдруг Николай услышал голос лейтенанта:

— Крылов, справа немецкий пулемет!

Николай нажал на рычаг, и послушная машина, вздрагивая, ринулась навстречу огненному смерчу, под ее мощными гусеницами послышался лязг металла. Но в этот момент фашисты предприняли контратаку.

— Сержант Крылов, слева немецкая пехота. Смять ее гусеницами! — вновь раздался голос лейтенанта.

И опять рука нажала на рычаг.

Армейская газета «В бой за Родину» так сообщала об этом скоротечном бое:

> «На предельной скорости ворвавшись на вражескую передовую, сержант Крылов гусеницами своего танка раздавил расчет немецкого станкового пулемета и уничтожил до взвода пехоты».

Боевые друзья горячо поздравили Николая с боевым крещением. А сержант Кузьмин просто сказал:

— Держать так!

Николай твердо запомнил эти слова бывалого, закаленного в боях сержанта.

Н. Н. Крылов.

— Жаркие были схватки во время Курской битвы, — вспоминает Николай Николаевич. — Но самой трудной была операция по форсированию Днепра.

В одном из номеров газеты «В бой за Родину» гвардии капитан Малыхин писал:

> «Днепр форсировали на понтонных плотах ночью под непрерывным обстрелом немцев. На понтоне танк стоял с заведенным мотором. А когда достигли правого берега, сразу же пошли вперед. Сходу заняли три населенных пункта и несколько важных прибрежных высот. Этим был подготовлен плацдарм для сосредоточения главных сил».

Гитлеровское командование прекрасно понимало цель ворвавшегося в их боевые порядки советского танка и горстки автоматчиков. На дерзкий десант они бросили танки, пехоту. Три дня кипел жаркий бой.

> «Отражая контратаки противника, — писал гвардии капитан Малыхин, — башнер Кузьмин в этих боях

подбил и поджег три немецких танка, разведывательный броневичок и бронетранспортер. Механик-водитель Крылов тяжестью своего танка раздавил немецкую противотанковую пушку, пять пулеметов и много пехоты».

Захваченный плацдарм был удержан, саперы навели переправу, и на правый берег Днепра хлынули советские полки.

И опять крыловский танк пошел вперед. Но не было в экипаже башнера Кузьмина. Смертью храбрых пал он на днепровских кручах.

Прошел ровно месяц. В ясный солнечный день на опушке дубовой рощи был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР. Орденом Ленина наградило правительство лейтенанта Сулимова, орден Отечественной войны вручили стрелку-радисту Коле Шаповалову. Высоким званием Героя Советского Союза были отмечены за днепровские бои сержанты Кузьмин и Крылов.

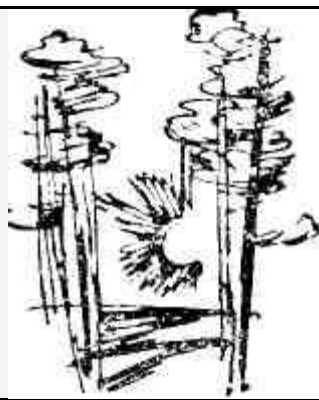
Наказ матери был выполнен. Комсомолец Крылов стойко сражался. Его танк дошел до самого логова фашистского зверя. А когда отгремели последние залпы, Крылов вернулся на родной Урал и вот уже много лет трудится в тресте «Челябметаллургстрой».

— Какое счастье строить, — говорит Николай Николаевич, — построишь дом и смотришь, как заселяют его новоселы. Сколько радости, сколько счастья!

Ради этого воевал, а сейчас трудится Герой Советского Союза Николай Николаевич Крылов.

ОН НЕ ДРОГНУЛ

Михаил Иванович Костюков **— самый юный герой в нашей области. Родился он в 1926 году в семье крестьянина из села Бобровка Троицкого района. Из своего родного села ушел в Красную Армию. Окончил школу младших командиров. В семнадцать лет стал командиром расчета «максима». Не достигнув восемнадцати, совершил бессмертный подвиг и Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 29 июня 1945 года был удостоен звания Героя Советского Союза.**



Раннее тихое утро. Одетые в пушистый иней могучие сосны и белоствольные березы не колышутся, стоят, словно завороженные. У пехотинцев передышка после стремительного ночного броска. Но никто не сидит сложа руки: одни запасаются патронами и гранатами, другие просматривают и готовят к бою винтовки и автоматы. Примостившись на пне, пожилой сержант пишет письмо. Чуть в стороне от него возле «максима» хлопочут трое. Один с опущенными вниз усами запорожца, с задумчивым взглядом — украинец Микола. Второй смуглолицый, коренастый, с черными, как спелая смородина, глазами — Гарей Рахимов. Третий, земляк Гарея, с розовыми мальчишескими щеками и чуть припухшими губами, озорным юношеским взглядом — сержант Михаил Костюков.

Поблескивая глазами, Гарей провел ладонью по кожуху пулемета, прищелкнул языком, посмотрел на хлопотавшего с пулеметной лентой усатого Миколу и сказал:

— Как новенький!

Немногословный Микола улыбнулся в усы, сержант Костюков

похлопал ладонью по пулемету и отозвался:

— От Смоленска идем с ним, и ни разу не подвел. А бьет, без промаха!

И у всех перед глазами будто вновь раскинулась длинная колдобистая дорога боев, пепел белорусских сел и городов, холмики свежей земли на могилах однополчан, жаркие схватки с врагом. Вспомнилась и их первая встреча на старой Смоленской. На той дороге, по которой вел свою многоязычную армию Наполеон, мечтая захватить Москву, поставить на колени Россию. С этой же мечтой шли по ней в 1941 году фашистские молодчики.

Микола и Гарей ко дню их первой встречи слыли в полку уже опытными и бесстрашными пулеметчиками. На их счету была не одна отбитая атака, десятки уничтоженных гитлеровцев. А Михаил Костюков только что окончил полковую школу, получил звание сержанта и прибыл с маршевой ротой. О таких, как правило, говорили: «Необстрелянный. Пороху не нюхал. Не знает, почем фунт лиха». Сержант Костюков понимал, что новичкам на фронте не сразу доверяют — подолгу присматриваются к ним, прежде чем принять в полковую семью. А кому не хочется поскорее встать в один ряд с закаленными в боях фронтовиками? Страшно хотел этого и Михаил. На помощь ему пришли рассудительный, по-деревенски неторопливый Микола и подвижный, словоохотливый земляк Гарей Рахимов. Они рассказывали ему о жарких схватках под Москвой и Вязьмой, у станции Дорогобуж и на Ельнинских высотах. Рассказывали о повадках врага, не таясь делились опытом, зная, что в бой пойдут локоть к локтю. И в первой же схватке с врагом новичок не подвел боевых друзей.

Их полк вышел тогда на окраину села, растянувшегося вдоль дороги. Неподалеку шумел сосняк, сливаясь с белизной пухлого снега, покачивались на студеном ветру продрогшие березки.

Замаскировавшись на опушке леса, гитлеровцы как можно ближе подпустили к себе цепи полка и неожиданно атаковали. Растерявшись в первые секунды, советские бойцы попятились, неприцельно отстреливаясь. Воодушевленный успехом враг наседал, оголяя свой правый фланг, куда стремительно тянул пулемет расчет сержанта Костюкова.

Оказавшись во фланге, Гарей быстро развернул пулемет и нажал на гашетку. Свинцовые струи пуль хлестнули по фашистам.

Напрягая волю и с трудом подавляя подступившее волнение и страх, Костюков внимательно корректировал огонь, время от времени подавая команды. Постепенно страх оставил его. А когда у Гарея окоченели пальцы и заслезились глаза, Михаил понял всю ответственность момента. Сменил его и, как бывало на учебном

поле, тщательно выбирая цель, нажал на гашетку.

М. И. Костюков.

Атака противника была отбита. Командир батальона подполз к пулемету мужественного расчета и, пожимая руки солдат, сказал:

— Молодцы! Спасибо за сметку и инициативу.

— Так ведь мы тут не одни были, а весь батальон. За что нам спасибо-то? — по-мальчишески зарделся Костюков.

— Верно. Не одни. Но вы первые стеганули по фрицам, а потом заставили их показать пятки. Вот за это вам всем честь и хвала.

Так Михаилу Костюкову была объявлена первая благодарность.

«Становись…» Передышка кончилась.

Как только передние цепи вышли из леса, по ним ударили пулеметы. В ответ зататакал «максим». Это прикрыл однополчан расчет сержанта Костюкова.

Бой был не долгий, но жаркий.

Представляя Михаила Костюкова к званию Героя Советского Союза, командир 459-го стрелкового полка подполковник Козлов писал:

«В боях за деревню Косово 13 февраля 1945 года немцы пытались задержать наше наступление, бросили на узком участке крупные силы пехоты, много артиллерии и самоходных пушек.

Командир пулеметного расчета сержант Костюков занял огневую позицию и подпустил гитлеровцев на близкое расстояние, открыл уничтожающий огонь. Вражеские мины рвались вокруг огневой позиции, но расчет Костюкова не прекращал огня. Когда осколком разорвавшейся мины был ранен наводчик, сержант Костюков сам заменил его, метким огнем из пулемета уничтожая атакующих гитлеровцев. 15 немцев было уничтожено в этом бою расчетом Костюкова. Враг был отброшен и обращен в бегство.

В бою за колонию Вайссберг 24 февраля 1945 года, когда немцы контратаковали наши позиции крупными силами пехоты, поддержанной танками, сержант Костюков бесстрашно встретил приближающихся врагов. Немецкие танки открыли огонь по нашим пулеметным точкам. Весь расчет Костюкова вышел из строя. Оставшись один, он не дрогнул, продолжал расстреливать немцев. Контратака противника была отбита. Враг отступил, понеся большие потери. Через несколько часов пьяные гитлеровцы при поддержке 17 танков возобновили контратаку.

Сержант Костюков, оставаясь один у пулемета, встретил врага уничтожающим огнем. Более 10 гитлеровцев были расстреляны его меткими очередями. Немецкий танк с большой скоростью двигался на его пулемет. Костюков оставался на месте, не выпуская пулемета из рук. Да так на боевом посту и погиб смертью героя, раздавленный гусеницами танка»[3].

Не дрогнув перед врагом, отдал свою жизнь во имя Родины и народа верный сын Ленинского комсомола Михаил Костюков.

МЕРА МУЖЕСТВА

Николай Андреевич Ванин **(1907 г.) родился в старинном уральском городе Кусе Челябинской области, в семье металлурга. Двенадцати лет привел его отец на чугунолитейный завод, а в четырнадцать стал обучать своей огненной профессии.**

Около двадцати лет ходил Николай Андреевич по проторенной дороге к проходной завода. Но вот фашисты нарушили мирный труд советских людей.

С первого и до последнего, победного дня Николай Андреевич был на фронте. Сражался под Могилевом, Брянском и Белгородом, Смоленском и Оршей, Минском и Барановичами. Освобождал Белоруссию, Украину, Польшу и Чехословакию. Громил японских самураев на Дальнем Востоке. Его ратные подвиги и честное служение Родине отмечены орденами Ленина, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, орденом Славы III степени и многими медалями. 24 марта 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Николай Андреевич Ванин удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

На ближайших подступах к Мценску батарея, в которой воевал младший сержант Ванин, оседлав высоту, преградила путь гитлеровцам. Три дня и три ночи советские воины ни на шаг не дали продвинуться захватчикам, отбили восемь яростных атак. И только когда вспаханная бомбами высота сравнялась с дорогой, что пробегала рядом, немцы пошли в атаку.

Николай Ванин очнулся в тот момент, когда его поволок к машине сухопарый очкастый немец. Вместе с ним оказался в

плену и его земляк, тоже рабочий Кусинского завода, Иван Воронов.

Партию пленных загнали в тюрьму. Но ни тюремный режим, ни издевательства охраны не могли убить в советском человеке стремления на волю. Как только Николай Ванин поправился, он тут же задумал побег. Его поддержал Иван Воронов. Решили посоветоваться с товарищами по камере. Но все откладывали, присматриваясь друг к другу: немцы частенько подсаживали к пленным провокаторов — вот и приходилось остерегаться. Кто знает, сколько бы недель и месяцев недоверчиво посматривали друг на друга узники, если б не пасмурный ноябрьский день 1941 года.

Большую партию пленных погнали в лес на заготовку дров. После работы двоих не оказалось в строю. Немцы подняли шум, пустили собак. А спустя час, перед строем невольников поставили двух избитых человек. Николай Ванин на всю жизнь запомнил их имена: это были его соседи по нарам — сибиряк Семен и украинец Василий. Били их долго и методично. Особенно старался длинный, как жердь, с водянистыми глазами гитлеровец. Окончив экзекуцию, он подтащил пленных к сосне, крепко привязал к кочковатому стволу. Аккуратно, не спеша обложил жертвы хворостом, плеснул на груду сушняка бензину, чиркнул зажигалкой. Подобно легендарному Тарасу Бульбе, умирали советские воины.

Вечером Николай Ванин снова заговорил со своим земляком.

— Ну как, Иван, что будем делать?

— А чего думать-то? Двум смертям не бывать, одной не миновать. Бежать надо.

Н. А. Ванин.

Прошло еще пять дней. Команду пленных погнали на станцию грузить «имущество»: потерпев поражение под Москвой, гитлеровцы стремились как можно больше отправить в «Великую Германию» награбленного советского добра.

Вечером не досчитались двадцати человек. Подняли на ноги воинские части. Пустили сотни собак. И только неделю спустя нашли беглецов. Ванин, Воронов и восемнадцать товарищей, избитые до полусмерти, под усиленным конвоем были отправлены в лагерь строгого режима. Ванин и Воронов попали в партию, которую каждый день гоняли в завод на подсобные работы.

Бежать из лагеря было невозможно. Он был обнесен колючей проволокой, охранялся усиленной внешней и внутренней охраной. Ночами десятки овчарок звенели цепями. На угловых башнях-бойницах дежурили пулеметчики. По ночам мощные прожектора прошивали темноту. А тут еще народ в блоке незнакомый. Измученные тяжелым трудом, голодные и доведенные до отчаяния люди, возвращаясь с работы, валились на нары и молча лежали, уставившись в потолок отчужденным, безразличным взглядом.

В одну из таких бессонных ночей Николай Андреевич склонился к уху своего земляка.

— Иван, а что, если нам прощупать каждого и раскрыть

карты?

— Другого выхода у нас нет, — шепнул в ответ Иван Воронов.

На следующий день Николай Андреевич пилил дрова и переносил разные тяжести в паре с высоким сгорбленным украинцем. Оказавшись вдали от конвойного и вглядываясь в бледное лицо напарника, Николай, словно бы мимоходом, обронил:

— Браток, что это ты крылья опустил?

— Опустишь, когда белый свет не мил, — зло ответил напарник.

— Верно, не легко нам здесь живется. У тещи в гостях было бы лучше. Но что поделаешь, мириться надо. Куда денешься…

— Мирись, если хочешь так жить.

— Хочется или нет, но ведь существовать-то как-то надо.

— Ну и существуй. А мне так жить не хочется, — сверкнул глазами напарник.

— Это почему не хочется? — Николай Андреевич чуть подался вперед.

— Да потому, что я не раб. И не привык к рабской жизни, к рабскому обращению. Что мы видим здесь? Что переживаем? Издевательства, насмешки. Лучше смерть, чем такая жизнь.

— Вот тут ты не прав. Какая польза от твоей смерти? Бороться надо. Понимаешь? А для этого свобода нужна.

— Пытался сбежать, — сокрушенно бросил напарник, — да ничего не вышло. Отсюда еще никто не уходил. Шагнул не так, и то охранник орет: цурюк! И собаку с поводка спустить ладит. Нет, отсюда не уйдешь.

— А если хорошенько подумать? Раскинуть мозгами так и этак. Взвесить все за и против? Тогда как? — спокойно спросил Николай Андреевич.

Тот судорожно рванулся и что есть силы стиснул ладонь Ванина.

— В случае чего, я с тобой. Запомни, Алексеем меня зовут.

А вечером Иван Воронов лежал на нарах и шептал соседу-уфимцу:

— Гарей, ты тут присматривайся к своему соседу. И, самое главное, сердцем пойми, чем он дышит. Дело-то мы какое затеваем — сложное. Тут вся артель должна быть, как один человек.

— Понимаю. Моя все поняла, ох как крепко поняла.

На вечерней проверке у одного из пленных нашли гвоздь: в конце смены он забыл очистить карманы. Его расстреляли перед строем притихших узников. Фашистам казалось, что такие крутые меры отобьют охоту у пленных не только бежать, но и думать о

побеге.

Внимательно присматриваясь к лагерному начальству, Николай Андреевич подметил, как оно благоволит к тем, кто безропотно подчиняется, кто по одному взгляду угадывает его желание и сломя голову спешит исполнить приказание.

Николай Андреевич собрал весь блок:

— Будем готовиться к побегу. Для этого требуется прежде всего строжайшая дисциплина — это первое. Второе — надо усыпить бдительность начальства и охраны. Ну, а чтоб этого добиться, мы должны быть тише воды, ниже травы. И, самое главное, не перечить начальству, быть послушными, терпеливыми. Понимаете, терпеливыми.

— Постой, постой! — зашептал вспыльчивый, как порох, Гарей Муслюмов. — Он тебя башка стукнул, ты ему морда суй — лупи пожалоста. Так, что ли?

— Ничего не поделаешь, первое время, может быть, и так придется, — ответил Николай Ванин.

— Нет, моя так не будет согласна, — Гарей вскинул вверх непослушную голову.

— Гарей, ты уралец или нет? — спросил Ванин.

— Пошто не уралец? Родился Урал, школа учился Урал, жил Урал, — когда Гарей нервничал, то он сбивался, забывая русские слова. — Но башка бить не дам, не дам. Надо карачун конвойного. Секир башка его и удирал.

Ванин испытующе посмотрел на Гарея:

— Гарей, ты знаешь, что такое дисциплина?

— Пошто не знает. Гарей все знает. Колхоз работал, Уфа завод робил, Аша-Балаша мало-мало работал. Везде дисциплин надо. Везде начальник уважать шипко надо. Командир подчиняйся.

— Вот и подчиняйся, — твердо прошептал Николай Андреевич.

Гарей тяжело вздохнул и замолчал.

— Ну как, братишки, согласны со мной или нет? — посмотрел на товарищей Николай Андреевич.

— Иного выхода у нас нет. Распоряжайся, товарищ младший сержант. Как скажешь, так и будет. А нам придется до поры до времени все сносить, — сказал Алексей.

— Согласны на все, только бы на волю вырваться, — раздались торопливые шепотки.

С того памятного вечера, решившего судьбу блока, все они безропотно выполняли каждое желание не только начальника лагеря и конвоя, но и охранников. На работе, как требовал Ванин, были тише воды, ниже травы.

Сменил свой непокорный нрав Гарей: не мог он подвести товарищей и не выполнить приказ Ванина. И только вечером, когда возвращались в блок, он, сжав кулаки, ходил из угла в угол. В такие минуты Николай Андреевич говорил ему:

— Действуешь ты правильно, держи и дальше так.

Подбодренный командиром Гарей старался перед гитлеровцами играть роль простачка. Он всегда держался как можно ближе к начальнику конвоя и рабски преданно помогал то снять плащ-палатку, а то падал перед ним на колени и до блеска чистил кованые сапоги фашиста. Частенько рядом с Гареем оказывался и Иван Воронов. В такие минуты у Гарея смекалка удваивалась. Он становился смелее, изворотливее и своей простотой стремился как можно быстрее войти в полное доверие к начальнику конвоя, не думая о том, что заставило Ивана быть рядом с ним. Гарей не мог знать, что спокойному, уравновешенному в любой обстановке Ивану Воронову Ванин наказывал:

— Как бы Гарей не сорвался, посматривай за ним.

Как правило, в проходной лагеря и завода все пленные подвергались обыску. Гарей и Иван частенько оказывались с личными вещами начальника конвоя или какого другого лагерного чиновника, «помогая» их донести, и проходили беспрепятственно.

Николай Андреевич останавливался перед дежурным охранником и вывертывал свои карманы, остальные узники терпеливо ожидали своей очереди.

Как и предполагал Ванин, безупречная дисциплина блока усыпила бдительность охраны.

Настал день, когда Николай Андреевич сказал:

— Пора пронести инструменты. Это сделаешь ты, Гарей.

Приказ для Гарея был ясен. Но что и как пронести? Лопатку не спрячешь под полой. Кирку тоже. Топор можно за пазуху затолкать. Но скроешь ли от глаз охраны?

Весь день эта мысль не переставала донимать Гарея. В конце смены раздалось привычное:

— Горая, ком, ком!

Гарей пулей подлетел к начальнику, схватил фляжку и сломя голову понесся за газированной водой. Пробегая мимо столярки, он свернул туда, взял попавшуюся под руку стамеску, завернул ее в плащ-палатку начальника конвоя и, крепко прижимая к груди, словно боясь, как бы не выскочило трепетное сердце, перешагнул порог проходной лагеря.

Так в блоке появился первый инструмент. Потом поляк Казимир сумел пронести заостренный металлический стержень. А

скоро в блоке оказался самый настоящий топор, тоже принесенный в плащ-палатке начальника конвоя.

Обзаведясь инструментом, приступили к работе. Искусно разобрали под нарами пол, и каждую ночь после вечерней поверки два человека спускались в подполье, работая до утра. Один копал, а другой относил грунт в сторону, заполняя им пустоты под полом. Сначала вырыли яму глубиной в два-два с половиной метра. Потом стали пробивать туннель.

Утром, отправляясь на работу, с величайшей осторожностью выносили в карманах землю. А сколько требовалось выдержки, умения и изворотливости, чтобы скрыться с глаз начальства, конвойных и очистить карманы от земли! И вот, наконец, работа окончена. Полгода ушло на то, чтобы вырыть подземный коридор, ведущий за колючую проволоку. По нему можно было свободно ползти на четвереньках. Разделили с трудом запасенные продукты: каждому досталось по десять черных сухарей.

Окончена вечерняя проверка. Начальник караула прошел по блокам. Крепко-накрепко закрыты двери. Тишина. За окном трещит морозами и метелями декабрь 1942 года.

Первым спустился в подполье Алексей — он прокладывал путь остальным. Как он писался по фамилии, Ванин так и не помнил, ведь фамилии узникам заменял номер. Николай Андреевич спустился вторым. Цепочку беглецов замыкали Гарей и Иван Воронов. Вышли наружу и у ближайшего леска разделились на мелкие группы. С Ваниным и Вороновым пошли Алексей и Гарей. За ночь сделали километров двадцать пять. Не разводя костра, провели день. Потом шли еще много дней и ночей, сторонясь людей и жилья. Кончились сухари. Развалилась обувь. Голод и нестерпимая стужа погнали к жилью. На пути попалась полуразрушенная деревенька, к которой вплотную подступил лес. Беглецы постучали в окно крайнего домика, попросили поесть. Хозяйка впустила их, молча стала готовить еду. Иван Воронов, делая вид, будто рассматривает фотографии на стенах, внимательно следил за каждым ее движением. Заметив пристальный взгляд Ивана, она спросила:

— Из лагеря-то давно убежали?

Беглецы переглянулись, промолчали. А хозяйка, словно не замечая, продолжала:

— Прошлой ночью вот так же двое постучались. Пустила я их, накормила и в лес свела. Вернулась, а в селе полицаев и карателей с собаками полным-полно. Ну, так ни с чем и уехали. Заходит после ко мне сосед: «Куда это ты, Наталья, ныне спозаранку ходила?» Я молчу. А он уставился на меня и говорит: «Спасибо, тебе, Наталья. Весь народ из беды выручила».

Слушая неторопливый, воркующий голос Натальи, Николай Андреевич думал: правда это, или она своими медовыми словами усыпляет их бдительность. Ведь в народе говорят: мягко стелет, да жестко спать. Может быть, и эта на вид душевная женщина готовит им жесткую постель? Он сказал:

— Хорошо бы, сестрица, и нас этой же дорожкой, да в лес.

Наталья будто не слышала, продолжая хлопотать у стола, лишь скосила глаза на дочурку, сидевшую тут же. Та молча встала, накинула на плечи ветхую шубенку и вышла.

Алексей не без тревоги посмотрел в окно. Гарей неторопливо поерзал на лавке и вопросительно посмотрел на Николая Андреевича. Ванин крепко стиснул зубы, нахмурился.

Заметив тревожные взгляды гостей, Наталья подошла к столу.

— Подвигайтесь, небось голодные. А о лесе потом побеседуем. Да и Михаил, сосед-то, строго-настрого наказал не самовольничать. Придет, посоветуемся, тогда и в лес. А пока — к столу!

Горячие щи, картошка, как-то по-особому, знакомо пахнущий домашний хлеб и молоко, сохранившее запах хлева… Не верилось, что все это наяву.

Внезапно широко распахнулась дверь.

— Немцы! — выдохнула с порога дочка Натальи.

Наталья метнулась к лазу в подполье. Откинула крышку, приказала:

— Скорей за мной!

В подполье она открыла потайную дверь. Через секунду беглецы оказались в земляном мешке.

Было слышно, как глухо захлопнулся лаз, как нервно ходила Наталья от стола к шестку и обратно, громко звеня посудой. Потом несколько минут стояла напряженная тишина. И вдруг резко хлопнула дверь. Тяжелые шаги кованых сапог. Протопав к столу, один из гитлеровцев что-то спросил. Наталья тихо ответила. Почудилось, что про них говорит, про «гостей». Ванин похолодел и теснее прижался к товарищам. Сверху снова донесся лающий голос. Наталья опять тихо ответила. Гитлеровец протопал на кухню. Заглянул под шесток, на печь, пошарил под лавкой. Прошел к полатям, заглянул и туда. Потом громко хлопнула дверь, и все стихло. Беглецы, обессиленные, присели на корточки и, привалившись к стенке, задремали. Николая Андреевича стала донимать обмороженная нога. Стиснув зубы, он переносил неимоверную боль. Гарей бодрствовал, чутко прислушиваясь к каждому звуку, доносившемуся сверху. Вот откинулась крышка лаза. Скрипнули ступеньки, открылась дверь тайника, и послышался голос Натальи:

— Ну, как вы тут? Небось натерпелись страху?

— Это разве страх? Мы не такое видывали. На тебя надеялись. Не чужая, знали, что не выдашь, — ответил Николай, морщась от боли.

На следующее утро пришел Михаил, мужчина лет 50—55, как выяснилось потом, бывший матрос Балтийского флота, участник штурма Зимнего дворца и гражданской войны. Почему он остался на оккупированной территории, расспрашивать не стали: видно, выполнял партийное задание.

Кивнув на Ивана Воронова, Гарея и Алексея, Михаил сказал, что они пойдут с ним, а Николай останется здесь и выдаст себя за больного мужа Натальи. Все это приняли как приказ.

Через месяц у Натальи снова собрались Иван Воронов, Алексей и Гарей Муслюмов. Их привел Михаил. Наталья взяла вещевой мешок, подала его Ванину, невесть откуда принесла новенький трофейный автомат.

Три долгих и опасных недели шли Ванин и его товарищи на восток. Проезжих дорог сторонились. В села заходили только в крайних случаях. Отдыхали в лесных дебрях и заброшенных домиках лесников.

К линии фронта подошли на рассвете. Набрели на полуразрушенную землянку, в нескольких метрах от которой между стволами сосен петляла тропинка. По ней беспрестанно шныряли гитлеровцы. А вскоре друзья заметили дымок: он стлался над снежным холмиком.

— Не иначе, командный пункт, — высказал предположение Воронов и предложил напасть на КП. Гарей и Алексей тут же ухватились за эту идею. Но осторожный и рассудительный Ванин остановил их:

— Торопиться не будем. Дождемся темноты, тогда и нагрянем к фрицам. А пока отдыхайте. Я подежурю.

Как только опустились сумерки, Ванин и его друзья вышли из укрытия. Ступая след в след, вышли на тропку. Бесшумно сняли часового и ворвались в землянку. Около десятка подвыпивших немцев покорно подняли руки.

«Языков» передали в штаб полка советских войск.

Вскоре Николай Андреевич Ванин был назначен командиром расчета противотанковой пушки 696-го истребительного артиллерийского полка. Вместе с ним оказались и его друзья. О расчете младшего сержанта Ванина заговорили в полку и дивизии, а вскоре однополчане поздравили Николая Андреевича с орденом Отечественной войны II степени.

Смоленское шоссе 11 июня 1943 года. Противник, силой до батальона, при поддержке трех самоходных артиллерийских

установок перешел в наступление. Сломил сопротивление горстки наших автоматчиков и стал продвигаться вперед. Расчет младшего сержанта Ванина оказался один против наседающего врага. Но Ванин и его бойцы не дрогнули. Выкатив пушку на открытую позицию, они прямой наводкой стали расстреливать густые цепи и прижали пехоту к земле.

— По самоходкам бронебойным, — скомандовал Ванин.

Одна из самоходок, объятая пламенем, замолчала. Попятились остальные. Вражеская атака захлебнулась. Дрогнувшие было советские автоматчики вернулись на оставленные позиции. За этот подвиг Николай Андреевич Ванин и был награжден орденом Отечественной войны II степени. Медаль «За отвагу» засеребрилась на груди его друга Ивана Воронова.

В конце августа 1943 года на подступах к Смоленску, в районе опорного пункта противника у деревни Секарево, гитлеровцам удалось сосредоточить крупные силы, временно задержать продвижение наших войск и даже на некоторых участках фронта перейти в контратаку. Находясь в боевых порядках пехоты, ванинская пушка вступила в единоборство с вражескими танками. Более восьми часов продолжался неравный бой. Выбыли в том бою из строя Гарей и Алексей. Но обескровленный расчет не оставил своих позиций, а когда была отбита пятая контратака, на поле боя осталось три пылающих вражеских танка и 20 трупов фашистских солдат и офицеров. А самое главное, сокрушен, повержен в прах мощный узел сопротивления гитлеровцев.

Но фашисты не могли смириться с потерей опорного пункта. Не успели наши пехотинцы оборудовать огневые позиции, а батарейцы подготовить капониры, послышался рокот моторов. 40 танков и густые цепи гитлеровцев высыпали из-за рощицы. И опять разгорелась жаркая схватка. Еще два подбитых танка и 50 трупов «завоевателей». В память об этой деревне на подступах к Смоленску остался у Николая Андреевича Ванина орден Славы III степени.

Как-то к командиру дивизиона обратился командир пехотного батальона.

— Дайте мне из пятой батареи только на сутки сержанта Ванина с его расчетом.

Было это тоже на Смоленщине, у деревни Горы. Когда Ванин, выбрав удобную позицию и замаскировав пушку на гребне курганчика, явился на КП батальона и представился командиру, тот крепко пожал ему руку и сказал:

— Пойдем в тыл к фрицам.

Наступили сумерки. 20 крепких пехотинцев подхватили

пушку и только им одним ведомыми тропами покатили ее к переднему краю вражеской обороны.

Благополучно миновав «нейтралку», остановились перед минным полем. Два пехотинца и минер нырнули вперед. Прорезан ход. Без крика снят часовой. Вот уже пушка за глубокой траншеей. Еще несколько минут, и она встанет на боевую позицию. И вдруг впереди — голоса. Пушка остановилась.

А голоса вот они, совсем рядом. Пехотинцы и артиллеристы замерли. Ванину показалось, что, поравнявшись с ними, немцы остановились. Он крепко стиснул автомат и подался вперед. Но голоса стали удаляться влево. И как только они затихли, лейтенант прошептал:

— Пошли, ребята!

На восходе грохнул первый выстрел. Застрекотал пулемет, затрещали автоматы. Вражеская пулеметная точка была уничтожена. Еще несколько выстрелов — и нет двух минометов. Гитлеровцы заметались, но скоро пришли в себя и открыли по высотке огонь. Маскируясь в кустах тальника, они стали приближаться. Фашистов было много. То и дело раздавалось: «Шнелль! Шнеллер!» Это офицеры подгоняли солдат.

Положение было угрожающим: враг наседал. Особенно донимал дзот справа. Шквальным огнем спаренных пулеметов он буквально засыпал раскаленным свинцом высоту. Были ранены лейтенант и сержант. Выбыло из строя несколько автоматчиков и артиллеристов. Ванин посмотрел в сторону нашей передовой, откуда могла появиться помощь. Но наша передовая молчала… «Ничего, будем держаться», — решил Ванин и подал команду:

— По вражескому дзоту огонь!

Два метких выстрела — дзот взлетел на воздух. Разрушен командный пункт. Пылает свалившаяся в кювет автомашина с боеприпасами. На маленьком участке смоленской земли столкнулись две силы, две воли. Это было испытание нервов, стойкости и упорства, проверка запаса человеческих возможностей.

И в тот момент, когда гитлеровцы вплотную подошли к высоте, наши роты и батальоны поднялись в атаку — пришла долгожданная помощь!

Мастерство Николая Ванина и его расчета росло с каждым боем. Представляя его к новой высокой правительственной награде — званию Героя Советского Союза, — командир 696-го артиллерийского полка подполковник Антипин писал:

> «В наступательных боях 1944 года в период форсирования реки Неман, командир орудия сержант

Ванин выдвинул свою пушку на восточный берег реки и прямой наводкой подавлял огневые точки врага, уничтожив 5 пулеметных гнезд, что дало возможность 1029-му стрелковому полку без потерь форсировать реку Неман и укрепиться на занятом плацдарме.

На подступах к Восточной Пруссии 7 августа 1944 года противник предпринял контратаку. 16 танков и до роты пехоты двинулись на расчет Ванина. Сержант Ванин и его расчет не дрогнув приняли бой, уничтожив 4 танка и до 15 солдат и офицеров противника, в результате чего контратака была отбита, а наши войска вышли на государственную границу. За проявленную храбрость, решительность и смелость в бою ходатайствую о присвоении старшему сержанту Ванину Н. А. звания Героя Советского Союза».

24 марта 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР старший сержант Николай Андреевич Ванин был удостоен звания Героя Советского Союза.

Последний выстрел на западе пушка Ванина сделала под Кенигсбергом. Но ее не поставили под густую смазку, не зачехлили. По приказу командования 696-й артиллерийский истребительный полк, а вместе с ним и пушка № 12120, прошедшая с боями от Ельни до Кенигсберга, были переброшены на Дальний Восток. И здесь, сражаясь против японских империалистов, старший сержант Ванин и его расчет показали пример мужества и отваги.

* * *

В конце 1945 года Николай Андреевич Ванин вернулся в свой родной город. После короткого отдыха вышел на работу, на тот же завод, куда еще мальчиком бегал к деду и отцу, куда была проторена тропка предками рабочего рода Ваниных.

Весной 1946 года Николай Андреевич тяжело заболел, а 14 мая его не стало. Рабочие Кусинского машиностроительного завода на могиле Героя воздвигли памятник. Именем Героя в Кусе названа улица, школа № 1. Каждый учебный год первый урок в этой школе посвящается рассказу о жизни и боевой деятельности Героя Советского Союза Николая Андреевича Ванина.

СТРАЖ БАЛТИЙСКОГО НЕБА

Имя воспитанника комсомола, Героя Советского Союза *Петра Андреевича Пилютова* носит городской парк в городе Аше. Здесь, в живописном уголке Южного Урала, он родился, окончил школу, познал радость труда рабочего человека. С Ашинского металлургического завода молотобоец Петр Пилютов по комсомольской путевке уехал в летное училище.

8 сентября 1941 года крупная группировка фашистских войск: пехоты, танков, артиллерии, авиации и флота, — сломив сопротивление советских дивизий, через город Мгу прорвалась к Шлиссельбургу. Заняв Шлиссельбург, гитлеровцы блокировали с суши город Ленина. Единственной нитью, связывающей Ленинград со страной, осталась водная магистраль через Ладожское озеро и воздушное пространство над ней.

С выходом фашистских войск к Ладожскому озеру Ленинград оказался в железных тисках блокады. Но город не сдавался. Он жил, трудился и яростно разил врага. Попытка гитлеровских войск форсировать Неву и выйти к Карельскому перешейку на соединение с финскими войсками потерпела неудачу: враг был остановлен на ближних подступах к Ленинграду.

Обозленное неудачей немецкое командование войск группы «Север» бросило на Ленинград более 700 тысяч солдат и офицеров, 12 тысяч орудий и минометов, 1500 танков и более 12 тысяч самолетов.

Командующий войсками Северо-Западного направления Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, секретарь Ленинградского обкома партии А. А. Жданов и председатель городского Совета депутатов трудящихся П. С. Попков обратились

с воззванием ко всем трудящимся Ленинграда и его защитникам.

> «Не для того мы своими руками построили могучие фабрики и заводы Ленинграда, его замечательные дворцы и сады, чтобы все это досталось фашистским разбойникам. Никогда не бывать этому…» — говорилось в воззвании.

На призыв грудью встать на защиту родного города откликнулись все ленинградцы. В первые же дни боев на подступах к городу в ряды народного ополчения записалось свыше 160 тысяч рабочих и служащих, 32 тысячи женщин. 70 % коммунистов и 90 % комсомольцев взяли в руки винтовки.

В числе мужественных защитников города Ленина был и Петр Андреевич Пилютов, полярный летчик, участник спасения челюскинцев. За плечами Петра Андреевича был уже богатый боевой опыт: летчик Пилютов сражался на Халхин-Голе, громил финскую белогвардейщину на Карельском перешейке.

П. А. Пилютов.

Зажав Ленинград в огненном кольце, гитлеровцы пытались взять его штурмом. Но мужественные защитники стойко держались. Не сломив волю ленинградцев огнем и металлом, Гитлер и его клика были уверены в том, что голод сделает свое дело. А костлявая рука голода уже подбиралась к защитникам

Ленинграда. Казалось, достаточно еще одного огневого налета — и воля ленинградцев будет сломлена. Но в этот самый опасный, самый критический момент на помощь Ленинграду пришла вся страна. Через Ладогу сплошным потоком шли грузы. С Урала везли боеприпасы и оружие, из Сибири, Казахстана, Поволжья, с Дона и Кавказа — топливо и хлеб. Обратными рейсами вывозили больных, стариков и детей.

В один из пасмурных декабрьских дней 1941 года Петр Андреевич стоял у землянки летчиков и задумчиво посматривал на тусклое небо. Мела поземка, посвистывал ветер.

— Погода не из приятных. — Он поглядел на стоявшего рядом механика.

— Да, погода того. — Механик поежился. — В такую прорву другу и недругу не посоветуешь в путь пускаться.

— А если прикажут? — Петр Андреевич пристально посмотрел на механика.

— У нашего начальства не зря голова на плечах. Не прикажут.

— Ну, а если все же прикажут?

— Думаю, что мало радости будет у того, кому прикажут в такую непогодь подниматься в воздух, — ответил механик и обернулся на раздавшийся сзади звонкий скрип снега.

— Товарищ капитан, — к Пилютову подбежал связной штаба, — вас командир полка приглашает.

— Осмотрите самолет и на всякий случай подготовьте к полету, — кивнул Петр Андреевич механику и легко зашагал к штабу.

— По вашему приказанию, — перешагнув порог землянки и приложив ладонь к виску, начал было Петр Андреевич. Но прервал его командир полка.

— Садитесь!

Пилютов сел на сколоченную из сосновых плах скамейку. Положил руки на колени и зажал в ладонях ушанку. Командир полка помолчал, потом заговорил, вначале не торопясь, а потом все больше горячась и волнуясь.

— В городе голод. Понимаешь? В городе голод. И в первую очередь страдают дети. Эвакуировать их стали, а тут, как назло, погода испортилась. Но Военный Совет решил не ждать хорошей погоды, а продолжать эвакуацию детей воздушным коридором.

— Ясно, — вырвалось у Пилютова.

— Прикрывать транспорты поручаю вам, — командир полка пристально посмотрел на капитана. — Знаю, что за эти сутки вы дважды поднимались в воздух, но делать нечего. О погоде говорить не будем — ведь вы полярник: не впервой в штормовую

погоду небо бороздить.

— Было дело, — спокойно ответил Петр Андреевич.

— Вот вам, как говорят, и карты в руки. Желаю успеха! — командир полка крепко пожал руку летчика.

Прошло несколько минут, и с одного из аэродромов поднялась девятка транспортных самолетов. Она несла самый ценный груз — юных ленинградцев, воспитанников детских домов. Вслед за ними на маленьком лобастом «ишачке» взлетел в воздух капитан Пилютов. Ему приказано охранять самолеты и доставить детей на Большую землю, в случае вражеского нападения заслонить их собою, принять удар на себя.

Пробив шапку тумана, самолеты взяли курс на восток. Внизу под густым маревом была заснеженная Ладога, окаймленная лесами. Сзади осажденный Ленинград. Впереди Большая земля и столица нашей Родины, недавно разгромившая у своих стен немецкие полчища.

Построившись треугольником, как стая журавлей, самолеты быстро идут вперед. Еще несколько минут, и опасность будет позади. Вдруг из-за облачка вынырнули шесть «мессершмиттов». Вот уже ведущий стал пристраиваться в хвост советскому самолету. Вокруг девятки засвистели пули. В эту решительную минуту в строй «мессеров» ворвался лобастый «ишачок». Один против шести. Было ясно, что силы неравны, но Пилютов принял бой. Он хитрил, кидал машину в сторону, уклоняясь от лобовых ударов гитлеровцев, нападал там, где его не ожидали; он оттягивал на себя гитлеровских асов, то исчезая в облаках, то вновь появляясь — врезался неожиданно в строй «мессеров», поливая их из пулемета. А транспортная девятка тем временем благополучно уходила — гитлеровцы обрушили всю силу на маленького «ишачка». Маневрируя во вражеском кольце, Петр Андреевич сбил два немецких стервятника. Когда боеприпасы кончились, он стал выбирать момент, чтобы юркнуть за облачко и улизнуть от «мессеров». Но уйти храброму летчику не удалось. В тот момент, когда до спасительного облачка оставались считанные метры, самолет Пилютова вздрогнул, накренился вправо, потом судорожно дернулся и, потеряв равновесие, стремительно пошел вниз.

Наблюдавшие за неравным поединком патрули ледяной Дороги жизни подобрали мужественного летчика и доставили в госпиталь. Двадцать две раны насчитали хирурги на теле смельчака.

Отважно сражался Петр Андреевич и в последующих боях. Совершив свыше 600 боевых вылетов, он принял участие в 200 воздушных сражениях, лично сбил 23 самолета врага. Не один

десяток вражеских стервятников был уничтожен летчиком, Пилютовым в групповых схватках.

Высоко оценила Родина его ратные подвиги. Двенадцатью орденами и многими медалями были отмечены его боевые заслуги, а 10 февраля 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Окончилась Великая Отечественная война, но полковник П. А. Пилютов продолжал служить в Военно-Воздушных Силах. Отличный командир, большой общественник, он не раз избирался депутатом Верховного Совета Союза ССР.

Лишения военных лет, многие ранения, а также повседневная кипучая деятельность подорвали здоровье Петра Андреевича. Он тяжело заболел. Несмотря на недуг, приковавший его к постели, он продолжал работать: в его квартире в любое время можно было встретить однополчан, работников ДОСААФ, избирателей, пришедших за советом. Но болезнь брала свое. В 1960 году Петр Андреевич скончался в городе Ленинграде. Там установлен нашему земляку памятник, и одна из площадей носит славное имя Петра Пилютова.

Не забыт отважный летчик и на родине. Живописный парк, раскинувшийся в центре Аши, где отдыхают труженики города металлургов, — парк имени Петра Пилютова. Не один пионерский отряд области с гордостью называется именем славного защитника Ленинграда.

РАЗВЕДЧИК ЮРЬЕВ

Леонид Васильевич Юрьев **родился 1 августа 1915 года, в селе Платово Конышевского района Курской области, в семье крестьянина. В своем селе он окончил неполную среднюю школу, затем в городе Кропоткино — ФЗУ. Работал слесарем в городе Ейске.**

После успешного окончания Ейского аэроклуба получил направление в Смоленское летное училище.

На фронтах Великой Отечественной войны с первого дня. За боевые подвиги награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями. Звание Героя Советского Союза присвоено 13 апреля 1944 года.

Погиб 17 января 1944 года в неравном бою с шестью немецкими самолетами. На месте его гибели в селе Песковка Бородянского района Киевской области установлен памятник. Кроме него, в семье бывшей работницы Магнитогорского металлургического комбината Марии Алексеевны Юрьевой погибло на фронтах Отечественной войны три сына-офицера: Павел, Александр и Дмитрий. Пятый сын вернулся после Победы в Магнитогорск, окончил горно-металлургический институт и работает на комбинате.

Аэродром, с которого взлетел самолет для разведки и фотографирования вражеских объектов, остался позади. Под крыльями проплывали родные просторы. Леонид Васильевич не раз летал здесь в мирные дни. И каждый раз, когда под плоскостями самолета проплывали цветущие села и города, пшеничные поля и сады, его сердце наполнялось радостью.

Сегодня под ним медленно плыла истерзанная фашистами родная земля: торчали черные трубы, обгорелые столбы, прокопченные дымом горбатые колодезные журавли…

Сегодня молодому летчику было особенно тяжело. Накануне он получил письмо из Магнитогорска. Мать сообщала о том, что героически погиб его брат Павел. Это была вторая горестная весть из далекого уральского города. Месяц тому назад мать писала о гибели среднего брата — Александра. И вот теперь — Павлик, Павка… Леонид запомнил его таким, каким видел год назад. Вернулся тогда из полета, было это за три недели до войны, открыл дверь своей квартиры, — глядь, в комнате стоит высокий стройный лейтенант. Не так давно все они съезжались в отпуск к матери. Одни снимали военную форму, другие — рабочие спецовки, и пять братьев, пять крепких парней, провожаемых добрыми материнскими глазами, бежали на речку. Павка всегда как-то ухитрялся раздеться на бегу, первым броситься на упругую речную волну и первым достичь противоположного берега.

Как-то Леониду Васильевичу довелось побывать в штабе полка, в котором ротой командовал Павлик. Он и там ревностно держал первенство. Не на последнем месте был и Александр. Его огневой взвод метким огнем из своих пушек не раз обращал в бегство хваленые немецкие танки. Это он прикрывал огнем пехоту, наносил по врагу смертельные удары. И вот теперь нет дорогих братишек. Но их сила, их воля к победе, их мужество перешло а трех оставшихся братьев Юрьевых. Он, Леонид, сейчас должен сражаться за двоих. Это тяжело. Но свой долг и долг погибших братьев он священно выполняет, как слово солдата, как клятву, данную Родине в тот памятный черный день 22 июня 1941 года.

Л. В. Юрьев.

Летчик-наблюдатель 98-го авиаполка дальних разведчиков Л. В. Юрьев находился тогда на одном из аэродромов Белоруссии. Здесь на священной славянской земле принял он боевое крещение. Здесь в августе 1941 года он впервые оросил свою землю собственной кровью.

Машина, быстро теряя скорость, снижалась. Уверенные в гибели советского летчика и самолета гитлеровцы не стали его преследовать. Эта же мысль в первые секунды мелькнула и у Леонида Васильевича. Но только на миг. Сила воли, величайшая собранность, отличная выучка, стремление жить, бороться и победить взяли верх над минутной слабостью. Невероятными усилиями сбил он тогда пламя, поднял в облака раненую машину и взял курс на свой аэродром. Возвращаясь, он обнаружил на Минском шоссе крупную колонну войск противника. Сфотографировал ее и доставил в штаб ценные сведения. Так выходил на дорогу войны летнаб Юрьев.

На Центральном и Волховском фронтах крепли крылья молодого пилота. Под Брянском и Воронежем обогащался он опытом, приобретал боевую сноровку. Под Сталинградом оттачивал мастерство.

Маршрут, по которому он вел самолет в этот раз, был ему хорошо знаком. Вон показалась и, словно растворившись, исчезла станция Занозная. Под левым крылом маячит в голубоватой дымке станция Фаянсовая. Полгода назад на этой станции он обнаружил несколько эшелонов техники и живой силы. А вон там, у лесочка, валяются под железнодорожным откосом разбитые вагоны, исковерканные пушки, автомашины. Это он, вызвав со своего аэродрома штурмовиков, навел их на вражескую цель. Дружно атаковали тогда быстрокрылые «ИЛы» эшелоны противника. 30 опрокинутых под откос вагонов, двадцать искалеченных танков, 15 пушек, более двух десятков автомашин остались на месте атаки. От метких ударов «ИЛов» три вагона с боеприпасами взлетели на воздух. Два «фокке-вульфа» из 10 сопровождавших эшелоны врезались в землю.

Леонид Васильевич ранен был в том бою, но не оставил поля боя. Сфотографировал разбитый эшелон и ринулся в атаку. Кто знает, может, это его пулеметная очередь прошила черное тело «фокке-вульфа» и сбросила на брянскую землю. Много раз после этого летал он во вражеский тыл, не раз водил на бомбежку штурмовики и каждый раз непременно заглядывал сюда, к березовому колочку.

Леонид Васильевич вспомнил тревожное лето 1942 года. По

два-три раза за день поднимался он в воздух. Острый глаз требовался тогда от воздушных наблюдателей. И он, лейтенант Юрьев, самоотверженно выполнял эту задачу: зорко и бдительно следил за ближайшими и дальними тылами противника. Были и такие рейсы, когда приходилось выполнять роль не только разведчика, но штурмовщика и истребителя.

Как-то, ведя патрулирование в ближайших тылах противника, Леонид Васильевич увидел вражеские самолеты. Их было 25, похожих на коршунов с растопыренными лапами. Они стремительно приближались к нашему переднему краю.

Сообщив на аэродром о появлении «юнкерсов», Леонид Васильевич развернулся и решительно бросил свой самолет в их гущу. Вот он наводит перекрестие прицела на один из «юнкерсов», нажимает на гашетку.

— Это вам за Смоленск! А это, — наседая на хвост второму и строча из пулемета, — за Сталинград!

Шарахаясь из стороны в сторону от дерзкой атаки, строй «юнкерсов» рассыпается, — бомбометание по переднему краю сорвано.

Это только один эпизод, а сколько их было за дни войны! В архиве Советской Армии хранится наградной лист, подписанный командиром 98-го гвардейского авиационного полка.

> «Товарищ Юрьев, — говорится в наградном листе, — произвел более 150 вылетов на разведку глубокого тыла противника».

Глубокого, а сколько раз, десятков раз, проведено наблюдение ближних тылов! Сколько раз летнаб Юрьев патрулировал над своим передним краем! Сколько раз водил он штурмовики на бомбежку вражеских объектов! Это все учтено и четким каллиграфическим почерком записано в личной книжке летчика. Но в наградном листе говорится только о разведке дальних тылов противника.

> «11 марта 1943 года, — рассказывает далее наградной лист, — в районе города Орла, выполняя ответственное задание, попал под сильный огонь зенитной артиллерии, в результате которого самолет был поврежден, но, несмотря на это, товарищ Юрьев продолжал выполнять поставленную задачу. Возвращаясь с боевого задания, он заметил аэродром, на котором было сосредоточено 60 самолетов противника. Проявив инициативу, тов. Юрьев сфотографировал их и только после этого возвратился на свой аэродром, доставив

главному командованию ценные разведданные.

Ведя постоянное наблюдение и контроль за войсками противника, их группировкой и передвижением накануне боев на Орловско-Курском направлении, товарищ Юрьев обнаружил и сфотографировал в районе Роговка — Куракино 490 танков и до 850 автомашин. Много раз воздушная разведка проходила в сложных метеоусловиях, при сильном противодействии зенитной артиллерии и истребителей противника. 24 раза самолет Юрьева был обстрелян интенсивным огнем противовоздушной артиллерии. 13 раз подвергался нападению истребителей противника».

7 раз Леониду Васильевичу приходилось вступать в смертельную схватку с фашистскими стервятниками. 4 раза его машину насквозь прошивали фашистские пулеметные очереди и снаряды. И каждый раз выручали мужество, отвага, высокое летное мастерство и выдержка. Удачно отрываясь от противника, приводил он смертельно раненную машину на свой аэродром.

«За период боевой работы, — подводит итог жестоких боев наградной лист, — товарищ Юрьев обнаружил и сфотографировал 108 (сто восемь) аэродромов противника, 193 железнодорожных узла и крупных железнодорожных станций, 1840 километров оборонительных рубежей гитлеровцев, 1315 танков, 2980 вагонов, 6230 автомашин, 56 батальонов пехоты и много других военных объектов».

17 января 1944 года, при выполнении боевого задания в районе города Коростень, самолет отважного разведчика атаковали шесть немецких истребителей. Была возможность уклониться от боя и взмыть в облака или, прижимаясь к земле, уйти от нападающих.

— Володя, принимаем бой! — крикнул он стрелку-радисту Николаенко.

— Есть, — отозвался тот и ударил из всех огневых точек. Пулеметная трасса потянулась к черным крестам, трассирующие пули прочертили кривую и вонзились в фюзеляж стервятника. Пламя тотчас охватило фашистский самолет. Но, чувствуя свое превосходство, гитлеровцы продолжали наседать. Один пристроился к хвосту самолета Юрьева. Казалось, уже не вырваться из сплошной завесы огня. Но Леонид Васильевич резко бросил машину на правое крыло и с крутым разворотом ушел

вверх. А потом выровнял ход самолета. Проскочивший за ним истребитель оказался в перекрестье прицела. Новая пулеметная трасса потянулась к стервятнику. Но не достала.

Леонид Васильевич подался вперед, будто своим телом сообщая скорость послушной машине.

С каждой секундой расстояние между самолетами сокращалось. Юрьев опять загнал фашиста в прицел и выдохнул:

— Огонь! — Николаенко нажал на гашетки. Фашист рухнул на землю.

Третий гитлеровец, пристроившись в хвост, выпустил очередь. Задымил мотор. Началась качка. Послушная машина перестала повиноваться. Однако Леонид Васильевич продолжал бороться за ее жизнь. Он старался выйти из полосы огня. Но немецкие пули дырявили плоскости, на клочья рвали обшивку фюзеляжа.

Так 17 января 1944 года смертью храбрых погибли Владимир Миронович Николаенко и Леонид Васильевич Юрьев.

На месте их гибели в селе Песковка Бородянского района Киевской области в 1965 году воздвигнут памятник. На его открытие приезжала мать Героя Мария Алексеевна — прошла по главной улице села, носящей имя ее сына, и встретилась с ребятами из пионерского отряда имени Героя Советского Союза Л. В. Юрьева.

ВОЗДУШНЫЙ ФОТОГРАФ

Григорий Тимофеевич Васев **родился в 1922 году в поселке Н.-Самарск Абзелиловского района Башкирской АССР. Детские и юношеские годы прошли в Магнитогорске, где, еще будучи школьником, он стал посещать кружок авиамоделистов. Окончив восьмилетку, Васев поступил в Магнитогорский аэроклуб, а затем и в Оренбургское летное училище.**

Три года упорной учебы, и молодой летчик-штурмовик, член ленинской партии, направляется в действующую армию. Григорию Тимофеевичу довелось сражаться с немецкими захватчиками на Воронежском, Степном, втором и третьем Украинских фронтах. Был дважды ранен, трижды сбит огнем противника. На самолете ИЛ-2, оборудованном для фотосъемок, совершил 163 успешных боевых, разведывательных вылета. Одновременно с этим командовал звеном штурмовиков, а затем эскадрильей.

Звание Героя Советского Союза Григорий Тимофеевич получил в 1945 году. Трижды награжден орденом Красного Знамени, дважды — Отечественной войны I и II степени, а всего за период боев удостоен 14 правительственных наград.

После войны Г. Т. Васев окончил Военную Академию и служит в Ейском авиационном училище.

4 июля 1943 года, накануне битвы на Орловско-Курской дуге, Григорий Тимофеевич, выполняя приказ командования по разведке тылов противника, пересек линию фронта, преодолел завесу заградительного огня и углубился в тыл. Прорезал густые облака, снизился и приступил к фотографированию. Осталось

сделать еще один заход, чтобы хорошенько рассмотреть и заснять скопление пехоты на опушке леса, как вдруг самолет сделал крен вправо. Летчик по инерции отшатнулся влево и почувствовал, будто кто-то большой и сильный прижал ему к боку полосу раскаленного металла. Перед глазами замельтешили сотни, тысячи разноцветных искорок, голова закружилась. Потом вокруг стало темно, как в глухую ночь. В лицо дохнуло жаром. В нос ударил запах удушливого дыма.

Васев подался вперед. Выжимая все, что можно взять у машины, взмыл вверх. Думал только о том, как поскорее сбить пламя.

Схватка с огнем продолжалась несколько напряженных минут. Победили мужество, величайшая выдержка и искусство высшего пилотажа. Выровняв машину, Васев снова попал в полосу заградительного огня. Первым же вражеским снарядом самолет прошило, он стал терять высоту. С перебоями заработал мотор, машина неудержимо пошла книзу.

«Прыгай! Прыгай! Чего же ты медлишь?» — кто-то настойчиво шепнул на ухо.

«Нет, это невозможно. Это, значит, добровольно сдаться в плен», — мысленно возразил Григорий Тимофеевич непрошеному советчику и сам себе крикнул:

— Нет, мы еще поборемся! Нас просто так не возьмешь! — Он упрямо стиснул зубы и, истекая кровью, стал уменьшать угол падения самолета. И опять победила сила воли, стремление жить и крепко разить врага.

Вот позади вражеский передний край. Истерзанный самолет, напрягая последние силы, стремительно пронесся над окопами советских воинов и, не дотянув до аэродрома, все же сумел приземлиться.

Прошло десять дней — и Григорий Тимофеевич вновь в разведке. Обнаружив в районе Ахтырки скопление гитлеровцев, вернулся на аэродром и доложил о результатах своих наблюдений. Командир полка майор Рассмотров секунду помолчал, взглянул на уставшее осунувшееся лицо летчика.

«Отдохнуть бы ему, — подумал командир. — Три боевых вылета сделал в этот день, а тут такие сведения: фашистское командование резервы подтягивает. Вот бы ударить по ним! Но кого послать во главе штурмовиков? Кого? Все опытные летчики в воздухе. А ведущий должен быть с опытом. Ведь он не просто идет впереди звена или эскадрильи, а отвечает за успех операции и должен не только правильно вывести штурмовиков на цель, но и поразить ее. И не просто поразить, а вернуться без потерь. Он отвечает за каждого летчика, каждый самолет. Так кого же

послать во главе штурмовиков?»

Майор обвел взглядом толпящихся подле летчиков. «У всех отваги и решительности хоть отбавляй. Прикажи — сейчас же ринутся в бой. Но успех боя достигается не только мужеством и отвагой, а еще и умением вовремя разгадать замысел врага. Нет, не могу я ими рисковать без опытного командира», — решил майор и пристально посмотрел на Григория Тимофеевича.

— Товарищ старший лейтенант, поднимайте вот этих орлов вверх и ведите на свой объект.

— Есть! — коротко ответил Васев и размашисто зашагал к своему самолету, у которого «колдовал» механик Поспелов.

Г. Т. Васев.

— Ну как, Саша, дела? — спросил механика.

— Все в порядке! Машина работает, как часы. Хоть сейчас в воздух.

— Вот и прекрасно. Посмотри еще разок и минут через десять-пятнадцать заводи.

Механик удивленно посмотрел на Васева и в первые секунды не нашелся что сказать — только почмокал губами.

В назначенный час шестерка «ИЛов» поднялась в воздух. Густые дождливые облака, словно грязная вата, облепили самолеты, мешали лететь. Позднее об этом смелом и трудном рейде генерал-полковник авиации В. А. Судец сообщал маршалу Советского Союза Толбухину — командующему Третьим Украинским фронтом:

> «8.8.1943 года противник сосредоточил большое количество живой силы и техники в районе Ахтырка для нанесения удара по нашим войскам. Товарищ Васев с группой шести самолетов «ИЛ-2» получил задание нанести штурмовой удар по скоплению войск противника. Погода явно не благоприятствовала выполнению задания. Но, благодаря высокому летному мастерству, группа тов. Васева нанесла смелый удар по скоплению войск противника, в результате чего планы немецкого командования перейти в наступление на данном участке фронта были сорваны»[4].

Спустя два месяца после смелого и опасного рейда по тылам врага шестерки отважных, командир авиакорпуса генерал-майор Витрук докладывал генерал-полковнику Судцу:

> «Выполняя приказ Верховного командования по освобождению столицы Украины города Киева от немецких захватчиков товарищ Васев производил по 3—4 боевых вылета в день, показывая образцы мужества, доблести и геройства, нанося огромный урон фашистским войскам. В результате поддержки с воздуха наши наземные войска 6 ноября 1943 года освободили столицу Украины город Киев»[5].

До конца войны Григорий Тимофеевич находился там, где было тяжелее и опаснее. О его мужестве и умении проникать в тыл врага ходили легенды. В корпусе не было летчика, который не подражал бы ему, не стремился бы сражаться так же мужественно и отважно.

Сделав последний боевой вылет вдали от советской границы, Григорий Тимофеевич вернулся на Родину, окончил Военную Академию и с головой ушел в работу. Он и сейчас продолжает служить в Советской Армии, отдавая все свои силы, знания и многогранный опыт молодому поколению Воздушного Флота — курсантам Ейского авиационного училища.

ДЕСАНТ В БЕССМЕРТИЕ

Иван Ильич Говорухин **родился в 1919 году, в селе Катенино, Варненского района Челябинской области. Затем вместе с родителями переехал на станцию Тамерлан Южно-Уральской железной дороги. В селе Варна продолжал учиться в неполной средней школе. До призыва в армию работал. В 1940 году был зачислен на один из кораблей Черноморского флота. Сражался под Одессой и Севастополем, в Керчи и Мариуполе. Участник многих дерзких рейдов морских пехотинцев.**

Март 1944 года. Войска 3-го Украинского фронта, взаимодействуя с Черноморским флотом, развернули наступление по всему побережью. Близилось освобождение юга нашей страны. Но враг, создав мощную систему инженерных сооружений, яростно сопротивлялся. Одним из укрепленных районов, насыщенных дотами, дзотами, противотанковыми рвами с водой, подступы к которым были опутаны проволочными заграждениями с системой бетонных надолб, металлических «ежей», был Николаев и его порт.

Перед командованием фронта и эскадрой стояла задача овладеть городом и портом, чтобы дать возможность сухопутным войскам и кораблям успешно продвигаться вперед.

Штурм одновременно с суши и моря был очень рискованным, требовал многочисленных жертв. Было принято решение небольшим десантом ворваться в порт или черту города, вызвать в стане врага панику, воспользоваться ею и штурмом овладеть укрепленным районом. Вскоре командующий фронтом Родион Яковлевич Малиновский подписал приказ, которым обязывал командира 384-го батальона морской пехоты майора Котанова с 22 по 24 марта создать десантный отряд. Через два дня

десантный отряд был создан. Командовал им старший лейтенант Константин Федорович Ольшанский, его заместителем по политчасти был капитан Алексей Головлев. В отряд вошли представители разных национальностей: русский Иван Евтеев и украинец Кузьма Шпак, белорус Вишневский и татарин Хакимов, азербайджанец Мамедов и уроженец Казахстана Ахмет Абдулмеджинов. Выпала честь быть в нем нашим землякам: старшине Ивану Ильичу Говорухину и старшине 2-й статьи Михаилу Васильевичу Коновалову. В отряде было 67 добровольцев — 55 старшин и матросов из батальона морской пехоты, 12 саперов и 68-й — проводник, тоже доброволец, местный житель, рыбак Андрей Иванович Андреев, хорошо знавший каждый уголок Днепровско-Бугского лимана и берегов нижнего течения Буга. Вечером 25 марта десантники разместились на 7 лодках и, только над лиманом навис туман, отчалили.

На первой лодке шли старший лейтенант Ольшанский К. Ф., проводник-рыбак А. И. Андреев и группа матросов. За флагманской лодкой шли остальные шесть. Гребцы осторожно опускали в воду весла. Это был исключительно опасный рейд. Чтобы пройти 15 километров по разбушевавшемуся лиману в кромешной тьме, требовалось особое искусство от гребцов и рулевых. Особенно тяжелыми были последние 7 километров по вражеской территории. Малейший шум, неестественный всплеск — и сотни вражеских прожекторов осветят караван, а мощные береговые пушки одним залпом уничтожат его. Зная это, старший лейтенант Ольшанский и Андреев вели десант с величайшей осторожностью. Тугая бугская волна стремительно бежала навстречу и, как яичные скорлупки, перебрасывала лодки, окатывала солдат холодным душем. Вычерпывая воду котелками, саперными лопатами или просто пригоршнями, бойцы продвигались вперед.

И. И. Говорухин.

На рассвете 26 марта десант высадился, уничтожил боевое охранение немцев, 7 дотов, 5 береговых пушек, 4 зенитных установки и, очистив от гитлеровцев участок в районе Ново-Николаевского элеватора, открыл шквальный огонь.

> «Неожиданным, дерзким ударом отряд вызвал смятение и растерянность среди врагов. На борьбу с ним фашисты бросили большие силы, вооруженные артиллерией, минометами, автоматами. Отряд моряков укрепился в четырехэтажном здании и в течение двух суток отражал беспрерывные атаки во много раз превосходящего противника»[6].

В три кольца охватили гитлеровцы занятый десантниками дом. Но гарнизон старшего лейтенанта Ольшанского жестоко разил врага. 18 атак пехоты и танков отбили десантники. Свыше 700 немецких солдат и офицеров настигла смерть у стен советского гарнизона.

Каждый шаг, каждый вражеский выстрел известны на флагманском корабле эскадры. Старшина-радист Иван Говорухин не только вел меткую стрельбу из своего автомата по наседающим гитлеровцам, но держал тесную связь с кораблями.

Решительно и смело действовали наши морские и сухопутные силы. Вот уже советские пехотинцы появились на ближних подступах к городу. На окраине Николаева показались «тридцатьчетверки». К порту подступили черноморцы. На помощь осажденному гарнизону старшего лейтенанта Ольшанского стремительно шли танкисты и автоматчики. Гитлеровцы яростно сопротивляются. Они дерутся за каждую улицу, квартал, дом. Сжимается кольцо и вокруг мужественного гарнизона:

> «Разрушен 4-й этаж, а потом 3-й, 2-й и 1-й. Храбрецы спустились в подвал и продолжают вести огонь по врагу. В последней, 19-й атаке, фашисты применили отравляющие вещества, которые вызвали сначала общее ослабление, утомляемость и сон. Чтобы скрыть следы своего преступления, фашисты сожгли из огнеметов трупы погибших и отравленных героев»[7].

Ночью 28 марта 1944 года советские сухопутные и морские части овладели городом Николаевом и его портом. В подвале разрушенного здания было обнаружено 11 тяжело раненных десантников. Шестеро из них сражались с захватчиками до полной победы над фашистской Германией. Все они и поныне живы. Это — рабочие московских заводов Николай Медведев и Юрий Лисицын, директор столовой Ефим Павлов, юрист Николай Щербаков, партийный работник Никита Гривенюк, железнодорожник Михаил Хакимов. Они-то, участники дерзкого рейда, и рассказали о той жаркий схватке.

Храбро и мужественно в том бою сражались наши земляки Иван Ильич Говорухин и командир отделения Михаил Васильевич Коновалов. Не выпуская из рук автомата, уничтожая огнем гитлеровцев, Иван Ильич постоянно держал связь с флагманским кораблем. Последними его словами, последней весточкой на флагман было:

— Дом разрушен. Спустились в подвал. Но продолжаем сражаться. Помните, что мы, бойцы, старшины и офицеры, моряки отряда Ольшанского, клянемся Родине, что задачу, стоящую перед нами, будем выполнять до последней капли крови. И, если потребуется, умрем, но честь русского флота не посрамим.

Все 68 участников рейда за проявленное мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 20 апреля 1945 года были удостоены высокого звания Героев Советского Союза.

Свято чтят память героев благодарные жители города Николаева. С воинскими почестями похоронили они участников

рейда. Площадь, где воздвигнут памятник, названа именем шестидесяти восьми героев. У бюста командира десанта 29-летнего старшего лейтенанта К. Ф. Ольшанского всегда живые цветы. У подножия могилы героев ни днем, ни ночью не гаснет вечный огонь славы. На родине Ивана Ильича Говорухина, в селе Варна, одна из улиц носит его имя. В совхозе «Ясная поляна» Далматовского района Курганской области, где работал до войны М. В. Коновалов, установлена премия его имени, которая вручается ежегодно лучшим людям труда.

МОРСКАЯ ХВАТКА

Михаил Иванович Кочетков **родился в 1910 году в селе Варламово Чебаркульского района Челябинской области. В 1928 году вступил в комсомол, был пионервожатым в селе Варламово.**

Более двух лет Михаил Иванович руководил пионерской организацией района и был заведующим отделом пропаганды и агитации райкома ВЛКСМ.

В 1931 году Михаил Иванович был принят в ряды Коммунистической партии. В том же году по призыву ушел в Красную Армию, успешно окончил полковую школу и был направлен на должность заместителя политрука роты в один из стрелковых полков Урала. Вскоре его избрали комсоргом полка. В 1937 году Михаил Иванович по путевке ЦК ВЛКСМ едет на Тихоокеанский флот, с которым была связана вся его последующая служба. Михаил Иванович сейчас в отставке, живет в Севастополе.

Несмотря на безоговорочную капитуляцию фашистской Германии и ее сателлитов, японские империалисты продолжали вести войну.

Штаб Дальневосточного фронта дал приказ сухопутным, морским и воздушным силам одновременно перейти в наступление.

В ночь на 14 августа 1945 года батальон морской пехоты, где заместителем командира по политчасти был наш земляк Михаил Иванович Кочетков, скрытно подошел к корейскому порту Сейсин. Вокруг стояла таинственная тишина. Темно. Казалось, за

каждым углом поджидает врат. Стоит шагнуть, и на тебя обрушится ливень огня. А тут еще незнакомые берега. Трудно предположить, что кто-то решится в такую ночь пристать к стенкам причала. Но натренированные советские лоцманы смело провели суда и с ходу пришвартовались. Морские пехотинцы выкатили на берег пулеметы и минометы.

Вокруг по-прежнему было тихо. По всему чувствовалось, что враг выжидает удобного момента. Михаил Иванович сказал политработникам батальона:

— Разъясните бойцам, что враг в любую минуту может обрушить на нас ливень огня. Надо быть готовым ко всему. Пусть никто не ждет легкой победы.

Предположение капитана Кочеткова вскоре оправдалось: японское командование ожидало высадки советского десанта и было готово его встретить. Как только последний взвод ступил на землю, японцы открыли пулеметный и минометный огонь.

— Вперед! Только вперед! — пробежала по цепи команда батальонного.

В этот момент из первой роты донесли:

— Тяжело ранен командир роты, убит его заместитель.

Короткими перебежками, а где ползком по-пластунски Михаил Иванович, парторг батальона Маркелов и несколько бойцов-бронебойщиков пробрались в расположение прижатой к земле роты.

— Коля, — шепнул Кочетков парторгу, — взорвите вон тот дзот, откуда хлещут из пулемета. А я возьму на себя командование ротой. Заглохнет дзот, подниму ее в атаку. Высоту надо взять. Иначе погибнем.

Кочетков пополз от бойца к бойцу прижатой к земле роты, готовя их к атаке, а сам зорко следил за боем.

М. И. Кочетков.

— Дзот будет взорван, — парторг толкнул в бок лежащего рядом матроса. — За мной!

Еще несколько минут несся из дзота смерч раскаленного металла, хлестал по подножию высоты. И вдруг окрестность огласил мощный взрыв: это парторг Маркелов и матрос Куцый, подобравшись к дзоту, взорвали его противотанковыми минами. Оборвалась огненная струя. Прекратилось грозное «та-та-та!» Капитан Кочетков вскочил на ноги:

— Рота! За Родину! Вперед!

Он первый метнулся к гребню высоты. Вслед за ним поднялся один боец, потом второй, третий. «Ура!..» Господствующая высота, с которой хорошо просматривался порт, бухта и улицы Сейсина, оказались в руках морских пехотинцев.

Потеря ключевой позиции не входила в планы японского командования. К высоте подтянули резервный офицерский полк. Но резервисты тут же попали под шквальный огонь пулеметов сержанта Бирюля и дрогнули, попятились. Капитан Кочетков в это время, переползая от бойца к бойцу, от взвода к взводу, организовал круговую оборону.

В Центральном Военно-Морском архиве хранится наградной

лист Михаила Ивановича Кочеткова, в котором сказано:

> «Заместитель командира по политчасти батальона морской пехоты капитан Кочетков М. И. возглавил роту, организовал оборону, личным примером мужества воодушевил и сумел сплотить вокруг себя всех бойцов роты.
>
> Двое суток выдерживала рота натиск превосходящих сил противника, много личного состава выбыло из строя, но моряки не дрогнули и дрались с исключительным упорством, отразив в ночь на 16 августа шестнадцать атак противника»[8].

Более пятисот японских солдат и офицеров уничтожила рота Кочеткова на склонах высоты. Но натиск врага не прекращался.

> «На рассвете 16 августа японцы, стянув большие силы, вновь перешли в наступление»[9].

Атака началась в тот момент, когда в бухту вошли наши корабли с основными силами морской пехоты. Заметив их, Кочетков приказал старшему сержанту Пирогову:

— Прорвитесь и сообщите нашим, чтоб не мешкая слали помощь, — и добавил: — Сам понимаешь, положение у нас…

— Ясно, товарищ капитан. Постараюсь прорваться, — ответил Пирогов и нырнул в клубы утреннего тумана.

За спиной то затихал, то с новой силой разгорался жаркий бой. Это морские пехотинцы под командованием капитана Кочеткова, экономя каждый патрон и гранату, вели бой. Но силы батальона с каждой минутой слабели. Вот и кончились патроны. Сомкнувшись плечо к плечу, бойцы Кочеткова приготовились погибнуть, но не посрамить чести русского воина. И вдруг из лощины донеслась мелодичная дробь «максима». Это вовремя подоспел старший сержант Пирогов и привел подкрепление.

В то утро была отбита 17-я вражеская атака. Врага выбросили из корейского городка и порта Сейсин.

За мужество и храбрость, проявленные в том бою, многие морские пехотинцы были награждены орденами и медалями. А капитан Кочетков Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 года был удостоен звания Героя Советского Союза.

После разгрома у стен Сталинграда Гитлер и его штаб стали стремительно создавать так называемый «Восточный вал» — мощные оборонительные сооружения, которые, начинаясь на

Керченском полуострове, тянулись по реке Молочной, среднему течению Днепра, реке Сож до Гомеля, проходили восточнее Орши, Невеля, Пскова, а севернее Чудского озера выходили на реку Нарве.

Вновь построенной оборонительной линии немецкое командование придавало большое значение. Особенно Днепру — главной части «Восточного вала».

> *«Уступая в Европе по протяженности только Волге и Дунаю, Днепр представлял для войск серьезную естественную преграду: скорость течения местами доходит до 2 метров в секунду, ширина — до 3,5 км, глубина — до 12 м»*[10].

Высокий, скалистый и местами обрывистый правый берег, господствующий над левым — пологим, местами заболоченным, гитлеровцы сильно укрепили. Кроме того, были созданы мощные предмостные укрепления и на левом берегу.

Создав «Восточный вал», немецкое командование было уверено в том, что оно не только спасет свою армию от разгрома, но и, накопив силы, перейдет в решительное наступление.

Однако немецкая армия не в силах была остановить успешное продвижение советских войск.

> *«25 сентября 1943 года в районе Мишурин Рог, Домоткань подразделения 7-й гвардейской армии стали переправляться на правый берег Днепра. А вскоре на огромном протяжении от Лоева до Запорожья было создано на правом берегу Днепра 23 плацдарма»*[11].

Форсирование Днепра сходу было беспримерным в истории войн подвигом, совершенным не отдельными лицами, а всей массой наступающих войск. Надо заметить, что 7-й гвардейской армией командовал наш земляк, уроженец села Верхняя Теча Курганской области, Герой Советского Союза генерал М. С. Шумилов.

Советские солдаты и офицеры, штурмуя неприступный «Восточный вал», показали высокое воинское мастерство и беззаветную преданность Родине.

Родина высоко оценила подвиг своих сынов и дочерей: только за успешное форсирование Днепра около 2 тысяч солдат, офицеров и генералов всех родов войск были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В битву за Днепр большой вклад внесли и наши земляки-уральцы.

ТРУДОЛЮБИВЫЕ РУКИ

Федор Андреевич Алабугин **1912 года рождения, уроженец деревни Фроловка Севастьяновского сельсовета Красноармейского района Челябинской области. Окончил фроловскую начальную школу, затем курсы трактористов при Севастьяновской МТС и до призыва в ряды Красной Армии работал трактористом, В армию призван 20 августа 1941 года. Служил в 15-м отдельном понтонном батальоне вначале мотористом, а затем командиром катера и понтона.**

Участвовал в битве под Сталинградом, Воронежем, Курском, Киевом и Винницей. Освобождал Польшу, Чехословакию, Венгрию. Наводил переправу через Волгу и Дон, Северный Донец и Десну, Днепр и Южный Буг, Нарев и Вислу, Влтаву, Тиссу и Дунай. Звание Героя Советского Союза присвоено 10 января 1944 года за успешную переправу десантников на правый берег Днепра, за обеспечение их техникой и боеприпасами.

Ранним утром осени 1941 года в 15-й отдельный понтонный батальон пришло пополнение. Принимая новичков, командир роты инженер Репин обратил внимание на крепкого, до черноты загорелого новобранца.

— Рядовой Алабугин, — заметив пристальный взгляд ротного, неумело приложив полусогнутые пальцы правой руки к виску, представился тот.

— А имя у вас есть? — строго спросил ротный.

— Как лет? Есть. Звать Федором, — ответил новичок и, немного помолчав, добавил: — Федор Андреевич. В танкисты просился, да вот сюда угодил. — В его голосе послышались недовольные нотки.

— Ясно, Федор Андреевич, — глядя на статного, плечистого солдата, с простодушным задубелым от солнца лицом, сказал командир. — В армии служил?

— Служил. На Дальнем Востоке. Тоже сапером. А я тракторист. Если по-хозяйски разобраться, то мне прямой расчет танкистом быть. А меня опять к вам толкнули.

— Так, — прервал его Репин. — Пойдешь во взвод лейтенанта Егорова. Да запомни: на войне, брат, все специальности важны. Для нас тоже, ой, как много найдется дел. Иди вон в ту землянку.

— Ладно. К Егорову, так к Егорову, — совсем не по-уставному ответил новичок и, слегка раскачиваясь, не спеша зашагал к указанной ротным землянке.

Быстро освоился солдат Алабугин во взводе. С легкой руки ротного, называли его не иначе как Федор Андреевич. Подкупало в нем, наверное, унаследованное от прадедов и дедов-хлеборобов трудолюбие, крестьянская неторопливость и расчетливая рассудительность. Даст, бывало, взводный или ротный приказ, иной, не подумав, бежит сломя голову. А этот не сорвется с места — постоит, подумает, как ловчее выполнить, и по народному выражению: семь раз отмерь и единожды отрежь, — так выполнит порученное дело, как другому и во сне не снилось. Никто в роте и батальоне не видел, чтобы руки солдата Алабугина отдыхали: то он с пилой возился, то с топором, а то колдовал у катера пли понтона. Шанцевый инструмент во взводе лейтенанта Егорова всегда был в полном порядке. Чистотой и порядком отличалась и землянка.

Ф. А. Алабугин.

Фронтовая жизнь кочевая, солдат все время в пути. Но и на войне бывают относительно спокойные деньки. Остановятся, бывало, на день или два, построят землянку — глядь, а в ней уже нары, сколочен стол. В углу простенький камелек попыхивает теплом. Рядом пирамида для оружия, особое место шанцевому инструменту — и все это дело рук солдата Алабугина — мотористa, катерок которого в любое время дня и ночи готов выполнить боевое задание.

В октябре 1943 года батальону было приказано подготовиться к форсированию Днепра. Подошли к реке скрытно. Маскируясь в складках местности и кустах лозняка, выгрузили оборудование, подготовили надувные лодки, понтоны, легкие плоты. Поближе к берегу подтянули катера.

Федор Андреевич с присущим ему старанием осмотрел свой катер, понтон, который ему предстояло водить. Заправил горючим. На всякий случай поближе положил инструмент, запасные части и стал ждать команды.

В сумерках подошли автоматчики. Подвезли боеприпасы, подкатили пулеметы, а скоро послышалась команда:

— Приступить к переправе!

Тонкий серп месяца низко повис над черной водой. Но он был еще так молод и слаб, что не мог рассеять густого мрака.

Десантники грузились без шума и суеты. Федор Андреевич

только изредка улавливал то всплески воды, то приглушенные голоса. Так же тихо раздалась команда:

— Отчаливай!

Десятки крепких рук подхватили катер, понтон, и моторист Алабугин не успел моргнуть глазом, как оказался на днепровской волне.

Высадив первую группу десантников, Федор Андреевич вернулся за второй. А когда перевез третью, на понтон вкатили пушку, погрузили снаряды. Расчет разместился в катере. Алабугин нажал на педаль. Катер рванулся вперед и, рассекая волну, стремительно понесся к противоположному берегу.

В первый день форсирования Днепра Федор Андреевич 12 раз пересек реку. По нему били немецкие пушки, строчили из пулеметов и автоматов, ослепляли яркие лучи прожектора. Его бомбили с воздуха, но послушный катер, управляемый ловкими руками уральского паренька, словно неуловимый, шнырял по взбудораженным волнам реки. 16 пробоин залатал он в бортах катера и понтона. Но приказ командования четко и в срок был выполнен.

Следующие день и ночь были такими же тяжелыми. Гитлеровцы упорно держались за правый берег Днепра. Над рекой висели фашистские самолеты.

Возвращаясь после доставленного на плацдарм груза, транспорт Алабугина попал под шквальный артиллерийский и минометный огонь. Вокруг вздымались фонтаны густой черной воды, клубился дым, по волнам прыгали языки пламени, шипели осколки. Катер подбрасывало и швыряло, как щепку. Осколком снаряда перебило трос. Освободившийся понтон подхватило течением. Федор Андреевич решил было поймать его и вновь взять на буксир. Он резко развернул катер и пустился наперерез. В это время прямо в понтон угодил снаряд. В воздух взметнулся яркий сноп пламени, полетели расщепленные доски, обрывки каната, проволока…

Федор Андреевич почувствовал, как, вздрогнув, накренился катер; оглянулся — в правом и левом бортах зияли огромные пробоины — следы артиллерийского снаряда; в них со свистом и шипением устремилась вода. Катер заметно стал оседать. С перебоями заработал мотор.

«Эх, потерять такую машину», — с сожалением подумал Федор Андреевич и дал полную скорость.

Смертельно раненный катер рванулся вперед и, разбрасывая мириады радужных брызг, оставляя позади седые барашки волн, стремительно полетел к левому берегу. Несколько напряженных минут вырываясь из костлявых рук смерти, выжимая из мотора

все, что может дать, Алабугин несся, думая только о том, как спасти машину, — и лишь когда катер ударился о берег, а сила инерции швырнула его на мокрый песок, Алабугин понял, что спасен.

— Жив? — подбежал к нему командир батальона.

— Жив, товарищ майор, — вскочив на ноги, ответил Алабугин.

— Молодец! Геройски действовал. Спасибо за службу. А сейчас веди понтон. Танкисты там тебя ждут. А катер пойдет в ремонт.

В небольшом заливчике, скрытый от глаз противника деревьями и зарослями камыша, покачивался спаренный понтон с подвесным мотором. На понтоне стоял танк, к его броне жались танкисты, готовые к броску. Федор Андреевич, как всегда, не спеша осмотрел крепление мотора, шланг подачи, проверил глубину погружения. Перекинулся несколькими словами с танкистами и взглянул на правый берег Днепра.

По волнам металось пламя. «Плотный огонь, не проскочить. На катере, пожалуй, мог бы обмануть фрица, а на этом тихоходе как бы в беду не попасть».

Федор Андреевич скрутил цигарку. Прикурил. Несколько раз жадно затянулся и склонился к мотору.

— Эй, браток, чего ты резину тянешь? Не копайся. Давай отчаливай! — нетерпеливо прикрикнул кто-то из танкистов.

Алабугин промолчал. Выпрямился. Посмотрел на реку: от разрывов мин и снарядов, как в огромном котле, кипела и пенилась днепровская вода. «А что если махнуть прямо через огонь? Проскочу, а там подле крутого берега и причалю».

Расчет был точен. Миновав полосу огня, понтон оказался в мертвом пространстве, и Федор Андреевич подвел его к песчаной косе. Тем же путем вернулся обратно. Так, бросаясь в лавину огня, он перебросил еще десять танков.

Пять дней и ночей пересаживался он с катера на понтон и обратно. Пять дней и ночей над его головой, как дамоклов меч, висела угроза смерти, а он словно не чувствовал ее. Все его мысли, все стремления были направлены на то, чтоб обеспечить занятый нашими войсками плацдарм пополнением и боеприпасами. Машина послушно повиновалась ему, будто так же, как и ее хозяин, мечтала лишь об одном: поскорее изгнать завоевателей с родной земли.

Окончилась с победой война. Вернулся солдат домой. Поселился в городе горняков Копейске и много лет работал в одной из строительных организаций города. Сейчас Федор Андреевич — персональный пенсионер союзного значения.

У АППАРАТА БОЯРШИНОВ

Василий Иванович Бояршинов **родился 7 марта 1915 года неподалеку от города Миасса в поселке Сыростан Челябинской области. Окончив начальную школу, а затем Горпромуч в Миассе, поступил работать на Златоустовский завод имени Ленина. Отсюда 12 января 1942 года призван в Красную Армию. Воевал на Степном, Воронежском и Первом Украинском фронтах, в должности командира отделения связи 3-го дивизиона 627-го артиллерийского полка 180-й дивизии 38-й армии.**

Звание Героя Советского Союза присвоено 10 января 1944 года за наведение связи на Днепре. После окончания Великой Отечественной войны Василий Иванович вернулся в Златоуст, на тот завод, где впервые познал радость труда.

— «Полтава» слушает, — послышалось в трубке. Василий Иванович прижал ее к уху. Раздался писк, треск, пронзительный свист, гулкие разрывы снарядов и, наконец, голос командира полка подполковника Жулина.

— «Сокол»! «Сокол»! Вы меня слышите?

— Слышу. Хорошо слышу, — отозвался сержант и указал первую цель: замаскированный в бурьяне вражеский дот, огонь которого прижал десантников к земле.

— Хорош! — наблюдая за разрывами снарядов, крикнул в телефонную трубку Бояршинов. Грянул залп.

Замолчал справа пулемет. Захлебнулись два вражеских миномета. Батальон поднялся в атаку. И вдруг слева по его цепям стеганули из пулемета. Атака захлебнулась.

— «Полтава»! «Полтава»! Справа от меня, в стороне между курганом и отдельным деревом дот, — передал Бояршинов.

И опять грянул залп. Прикрытая огнем пушек пехота поднялась в атаку.

Сержант Бояршинов вновь склонился к телефону.

— «Полтава»! «Полтава»! — Но командный пункт полка не откликался.

«Обрыв», — подумал сержант и подозвал бойца Черепанова.

— Петя, держи трубку и будь внимателен. А я на линию иду.

Столкнуть в Днепр бревно недолго. Держась за него одной рукой, а ладонью другой скользя по серому проводу, Василий Иванович плывет от шеста к шесту. Вот и разрыв. Минута — и провод соединен. Еще минута на подключение… Плотно прижаты наушники. Ни единого звука. И только после того, как был устранен третий разрыв, послышался голос Черепанова:

— «Полтава»! «Полтава»! — настойчиво вызывал он.

— «Полтава» на проводе, — послышался ответ.

Сержант Бояршинов облегченно вздохнул. Теперь у него одна забота: бесперебойно держать связь с левым берегом и не проглядеть ни одной огневой точки врага. Под сильным огнем он несколько раз восстанавливал связь. Дважды переправлялся на левый берег ревущего Днепра, четко и своевременно налаживал связь штаба полка то с одним, то с другим подразделением десантников.

Устраняя новый разрыв провода, Василий Иванович сплоховал: то ли слишком высоко приподнялся над водой, то ли слишком большое бревно толкал перед собою. Словом, засекли его гитлеровцы и открыли ураганный пулеметный и минометный огонь. Кто знает, что бы могло случиться, если бы не пришли на память детские забавы: нырять на дно реки, кто дольше пробудет под водой; вспомнились и рассказы учителя о том, как славянские воины, взяв в рот тростниковую дудочку, просиживали в воде под самым носом противника. «Не дураки, видать, были наши предки», — прошептал сержант и, набрав полную грудь воздуха, с головой ушел под воду, не выпуская из рук бревна. Перевернувшись на спину, он чуть-чуть высунулся из воды, набрал новую порцию воздуха и опять скрылся. Вокруг рикошетили пули, в бревно втыкались осколки. От разрывов мин и снарядов выбрасывались фонтаны воды.

«Фрицы решили прикончить меня. Но мы еще поборемся!» — сержант почувствовал под ногами твердое дно, но, не высовывая из воды головы, толкнул бревно по течению. Не прошло и минуты, как подле отнесенного в сторону бревна шлепнулись две мины. «Клюнуло», — улыбнулся Василий и резко ушел под воду. Вокруг опять засвистели пули, зашипели осколки. Выходить из воды было небезопасно. «Ну что ж, переждем», — решил Василий

Иванович.

Поздно вечером сержант Бояршинов пришел на КП батальона. Несколько минут передохнул, выжал одежду и вновь пустился вплавь. За ночь побывал три раза на левом берегу: протянул еще три нитки провода, обеспечив все десантные подразделения прочной связью с дивизией.

В. И. Бояршинов.

А утром, с первыми лучами солнца, десантники поднялись в атаку. Вдруг, в самый решительный момент боя, когда из-за кургана выползли черные, с ломаными крестами немецкие танки и, поднимая клубы пыли, поползли прямо на командный пункт батальона, замолчал телефон.

«Линия перебита», — догадался Бояршинов и вспомнил, как на ближних подступах к Харькову он не один час пролежал на гребне высоты, держа в руках оголенные провода телефонного канатика. Тогда также в самый напряженный момент боя телефон замолчал. Пришлось оставить у аппарата телефониста, а самому ползти по линии. Пять раз срастил он тогда телефонный канатик, а голоса командира дивизиона так и не услышал. Нашел шестой разрыв. Стал стягивать. Да не тут-то было. Канатик как струна. Порылся в сумке. Ни одного сантиметра провода. Что делать? Бежать на КП дивизиона? Не успеть. Сзади слышится грохот вражеских пушек. Злобное завывание танковых моторов, скрежет

гусениц. Каждая минута дорога. Чуть промедлил — и вражеские танки, кольцом охватившие батальон, сомнут, раздавят советских бойцов, И Василий Иванович без колебаний оголил концы провода. Уцепился за них голыми ладонями, пропуская сквозь себя ток, и тут же услышал тревожный и настойчивый голос командира пехотного батальона.

— «Стрела»! «Стрела»! Отбиваю контратаку танков. Дай огонька. Огня дай! Огня!

Как бы вновь посмотрев на тот смертный бой, Василий Иванович наказал солдату Иванову быть начеку, а сам переметнулся через бруствер окопа и пополз по вспаханному минами и снарядами полю. Только бы успеть поскорее найти этот злополучный разрыв!..

«Вперед! Вперед!» — мысленно поторапливал он себя и, скользя ладонью по серому проводу, от которого зависела судьба товарищей, полз вперед. Опять, как в тот раз, разрыв был на самом гребне высоты. Василий Иванович было подумал: а не спрятаться ли в воронке? Но руки, привычные к работе руки тянулись к проводу. Несколько тревожных секунд — и связь восстановлена.

Выполняя приказ командования — четко держать связь десантников с левым берегом Днепра, Василий Иванович не думал, что через пять дней, представляя его к высшей правительственной награде, командир полка подполковник Жулин напишет в наградном листе:

> «Товарищ Бояршинов на протяжении всего периода наступательных боев, по форсированию Днепра, держал бесперебойную связь, проявляя подлинный героизм… Под градом пуль и осколков он установил связь, а когда она была нарушена, рискуя жизнью восстановил. Попав под огонь противника, он пролежал в воде до темноты. Выйдя из воды, быстро и четко установил связь со второй переправой. Достоин звания Героя Советского Союза.
>
> *12 октября 1943 года. Командир 627 артиллерийского полка подполковник Жулин»*[12].

ТРУЖЕНИК ВОЙНЫ

Иван Николаевич Васильев **родился 24 сентября 1923 года в селе Долговка Куртамышского района Курганской области в семье крестьянина-бедняка. Вскоре семья переселилась в Копейск. Здесь Васильев окончил семь классов школы № 14 и стал работать в геологоразведке. Прошел путь от подсобного рабочего до мастера механического бурения.**

В 1941 году был призван в ряды Красной Армии. Воевал под Москвой и Сталинградом, Воронежем и Харьковом, Запорожьем и Кривым Рогом. Освобождал Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Чехословакию и Австрию.

Форсировал Дон и Северный Донец, Днепр и Южный Буг, Днестр и Реут, Прут и Серет, Дунай и Драву. Трижды ранен. Звание Героя Советского Союза присвоено 22 февраля 1944 года.

После разгрома фашистской Германии Иван Николаевич вернулся в родной город и работает мастером плавильного цеха Копейского рудоремонтного завода.

Ночью 22 сентября 1943 года 184-й стрелковый полк 62-й дивизии вышел к Днепру. Командиру полка было приказано создать хорошо вооруженную подвижную десантную группу, высадить ее на правом берегу реки, освободить хутор Незаможник, закрепиться на его западной окраине и, расширяя плацдарм своим огнем, способствовать форсированию Днепра подразделениями дивизии. Для этой цели выделили пулеметную роту, усилили ее противотанковыми ружьями.

Разместив десантников на лужайке, со всех сторон скрытой деревьями, подполковник Лущенко разъяснил бойцам и

командирам приказ штаба дивизии. Говорил он так спокойно, будто по ту сторону реки не мощные вражеские укрепления, а чистое поле. Но вот он сделал паузу, пристально посмотрел на задубелые от ветра и солнца сосредоточенные лица солдат. Он заметил напряженный взгляд Сердюка, сдвинутые брови Терещенко… Бойцы слушали так, словно старались запомнить каждое слово подполковника Лущенко. И подполковник продолжал:

— Гитлеровцы здесь долго и упорно строили укрепления. Днепр, или «Восточный вал», как они назвали днепровские укрепления, фашисты считают границей с нами. Здесь, на Днепре, говорят они, кончаются земли «Великой Германии».

— Як же это, товарищ пидполковник. А у мэнэ мати, батько в Пятихатке родились. Там и моя хата. Выходит, мэни до ридной хаты не ступыты? — не выдержал командир пулеметного расчета Петренко.

— Товарищ Петренко, да разве только тебе фашисты дорожку в родные края закрыли? Вот у Терещенко родная хата тоже недалеко от Пятихатки, — полковник кивнул на смуглолицего бронебойщика. — А у сержанта Сердюка родные в Кривом Роге. Да и у меня дружки в Александрии. И перед всеми нами Гитлер Восточный вал поставил.

— Мы з його вала, товарищ пидполковник, степ зробымо, — горячась, путая русские и украинские слова, говорил Петренко.

— В этом я и командир дивизии уверены. Верю вам, товарищ Петренко, и всем остальным верю. Но, — подполковник нахмурился, — надо помнить, что здесь у них все на прицеле. Тут каждый метр земли пристрелян. Надо смотреть в оба. И самое главное в бою — не горячиться. Держаться ближе друг к другу, чтоб каждую минуту, секунду чувствовать локоть товарища. Стрелять только наверняка. Резать проволочные заграждения, рвать доты, дзоты. Глушить огневые точки. Огнем, штыком и гранатой прокладывать путь дивизии.

Командир полка посмотрел на задумавшихся солдат, остановил взгляд на старшем сержанте Васильеве, пулеметному взводу которого первому предстояло пересечь Днепр и дать возможность отряду высадиться на берег. Глядя на сухощавого, с мужественным лицом старшего сержанта, сказал:

— Мужества и отваги вам, товарищи, не занимать. Желаю успеха!

Ровно в полночь началась переправа. Опустились на воду плоты, лодки, просто бревна, загруженные пулеметами и боеприпасами.

Как и было предусмотрено, взвод старшего сержанта

Васильева первым высадился на песчаном мысу. Закрепились на ближних подступах к хутору Незаможник и дали сигнал на левый берег Днепра.

Гитлеровцы с восходом солнца предприняли контратаку. Но десантники встретили врага сокрушительным огнем. Атака захлебнулась. Это еще сильнее обозлило фашистов. Подтянув новые силы, они выдвинули на фланги десантников пулеметы, минометы и вновь поднялись под прикрытием их огня.

На взвод старшего сержанта Васильева шло до роты озверелых гитлеровцев. Пулеметные расчеты Петренко, Сердюка и Малкова расстреливали их в упор, но место убитого тут же заполнялось, и плотные ряды мундиров мышиного цвета неумолимо приближались. «А что, если во фланг им ударить?» — подумал Васильев и крикнул сержанту Сердюку. — Коля, оставайся тут за меня. А я попытаю счастья.

И. Н. Васильев.

Пригнувшись, он кинулся по траншее, перемахнул бруствер, прополз по изрытому минами и снарядами полю…

Спустя несколько дней, командир дивизии полковник Мошляк, представляя его к званию Героя Советского Союза,

запишет:

> «В боях при форсировании реки Днепр и расширении плацдарма на правом берегу товарищ Васильев Иван Николаевич проявил мужество, смелость и отвагу. В первый же день боев огнем своего автомата уничтожил 50 немецких солдат и офицеров, а когда выбыл из строя расчет ручного пулемета, сам лег к нему и уничтожил две огневые точки противника с его расчетами»[13].

Уничтожив вражеские огневые точки, Иван Николаевич поднялся во весь рост и, увлекая бойцов своего взвода, с криком «Ура!» первый ворвался в хутор Незаможник.

Из крайней хаты резанула пулеметная очередь. Сорвав с пояса гранату, Васильев швырнул ее в раскрытое окно. Пулемет захлебнулся. В ограде показались удиравшие фрицы. Но их тут же настигали меткие выстрелы Васильева.

Вслед за пулеметчиками вошли в хутор автоматчики, истребители танков, снайперы. Отразили еще одну, пятую по счету, контратаку и прочно закрепились на западной окраине хутора Незаможник.

Восемь дней мужественные десантники не смыкали глаз. Контратаки гитлеровцев следовали одна за другой, — но все они были отбиты с большими потерями для врага. Таяли и ряды защитников плацдарма. Из 12 станковых пулеметов осталось два. Одно противотанковое ружье — семь разбиты вражескими снарядами и минами. Опустели и многие окопы. На счету каждый человек, пулеметная лента, патрон, диск. В обрез гранат и бутылок с самовоспламеняющейся жидкостью. «Боеприпасов бы да людей, — думал Васильев, глядя в сторону Днепра, по которому не переставая били фашисты из дальнобойной артиллерии. — Сквозь такой огонь, пожалуй, не пробиться».

— Товарищ старший сержант. Танки! — доложил снайпер-наблюдатель Попов.

Иван Николаевич приподнялся на бруствер траншеи. Восемь танков шли на его позицию. Вот один чуть замедлил ход, повел стволом пушки, будто присматриваясь, как лучше поразить цель, и направился прямо на окоп старшего сержанта Васильева.

Мелкий окопчик — плохая защита от грозной бронированной крепости. Автомат — слабое оружие против танка. Связку бы гранат или одну, только одну бутылку «КС»! Но где ее взять? Васильев взглянул на Попова: в руках у снайпера была самая настоящая бутылка с «КС», с той драгоценной жидкостью, от которой сейчас зависела жизнь!

— Степан, дай-ка твою бутылочку. А то фриц нахально прет.

Васильев пополз навстречу гремящему танку.

Угодив в моторную часть, бутылка рассыпалась, и желтоватая жидкость, выплеснувшись, побежала по броне танка. Стальная крепость запылала, как стог соломы.

Это был второй танк, уничтоженный в этом бою старшим сержантом Васильевым. О первом так доносил командир дивизии:

> «В боях за хутор Незаможник противник несколько раз контратаковал танками. Взяв противотанковую гранату, Васильев выдвинулся вперед и, несмотря на сильный обстрел из танка, гранатой подбил его. Экипаж, пытавшийся спастись, был уничтожен метким огнем автомата Васильева»[14].

Сделал попытку спастись бегством и экипаж второго танка. Но три коротких очереди — и «завоеватели» нашли по метру земли на окраине хутора Незаможник. Чуть в стороне пылали еще две машины, подбитые снайпером Поповым и сержантом Сердюком. А от реки неслось могучее «ура» — это подоспевшие на помощь горстке храбрецов батальоны полка крушили вражеские укрепления.

После разгрома фашистской Германии Иван Николаевич вернулся в родной Копейск. На рудоремонтном заводе с радостью встретили прославленного земляка. Не остался в долгу и Иван Николаевич. Звезда Героя, как и на фронте, ярко горит на груди труженика, мастера литейного цеха коммунистического труда Ивана Николаевича Васильева.

ЭТО БЫЛО ПОД ХЕРСОНОМ

Михаил Афанасьевич Золотухин **родился 13 сентября 1918 года в селе Баландино Краснопартизанского района Оренбургской области, в семье бывшего бойца 25-й Чапаевской дивизии.**

Родители Михаила Афанасьевича были членами большевистской партии, активистами на селе. Их сын тоже ведет большую общественную работу, горячо увлекается военным делом — Миша Золотухин был лучшим «Ворошиловским стрелком» в школе. По окончании десятилетки он едет в Ташкентское пехотное училище имени Владимира Ильича Ленина, окончив которое командует курсантским взводом.

С первых дней Великой Отечественной войны лейтенант Золотухин на фронте.

В тяжелые дни отступления и жесточайших боев комсомолец Золотухин становится кандидатом, а затем и членом Коммунистической партии.

Ратные подвиги Михаила Афанасьевича отмечены орденами Ленина, Красной Звезды, Александра Невского и многими медалями. 3 июня 1944 года Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР Михаил Афанасьевич удостоен звания Героя Советского Союза.

Стрелковому батальону, которым командовал капитан Золотухин, достался трудный участок для форсирования — как раз против пристани. Но комбат еще задолго до приказа о наступлении сумел выявить огневые точки врага инженерные сооружения и даже наличие живой силы на этом участке фронта — ему помог маленький рыбачий катерок. Произошло это

так. Командир второй роты лейтенант Глухов, страстный любитель водного спорта и моряк в душе, нашел в днепровских плавнях затопленный рыбачий катер.

На дворе мела поземка. Плавни покрылись толстой ледяной коркой. Среди камышей, в маленькой заводи группа солдат долбила лед. Затем в прорубь спустили на веревках металлические «кошки» и подняли со дна катер.

Многие посмеивались над затеей Глухова, а командир первой роты лейтенант Бахтадзе посоветовал:

— Сережа, отправь его в хозвзвод. Может быть, на растопку пригодится.

— Эх, Гриша, Гриша, — лейтенант Глухов укоризненно покачал головой, — плохо ты в морском деле разбираешься. Да ведь это самый быстроходный катер, он узлов тридцать в час дает. А то, что вид у него задрипанный, это полбеды. Залатаем, проконопатим, подкрасим, и будет как новенький. Тебя первого с ветерком по Днепру прокачу.

— Нет уж, — отмахнулся лейтенант Бахтадзе. — Мне еще пожить хочется.

Целый месяц чуть ли не всей ротой возились у «разбитого корыта». Старшина достал где-то пакли, смолы, у танкистов разжился запасными частями, инструментами. Проконопатили, просмолили, залатали пробоины. Покрасили светло-голубой краской, смазали и прогрели мотор. На борту катера написали «Пионер» и спустили в тихую заводь.

Вот этот-то катерок и помог открыть многие секреты врага.

Как-то, посадив в катер двух бойцов, Глухов с помощником выплыли на плес — просто так, покататься. С противоположного берега по ним открыли пулеметный огонь. Вот тут у капитана Золотухина и родилась идея выявить вражеские огневые точки. Идею одобрил начальник штаба полка, ухватились за нее и артиллеристы.

К разведке готовились тщательно и долго. Оборудовали новые наблюдательные пункты. Разместили в них самых опытных разведчиков-корректировщиков. Снабдили их стереотрубами, биноклями. Каждому дали определенный сектор наблюдения. Поставили на катер пулемет, и в предрассветный час «Пионер» отчалил. До середины реки шли на веслах, и только когда вышли на широкую гладь разлившегося в мартовское половодье Днепра, включили мотор.

М. А. Золотухин.

Гитлеровцы всполошились. Выскочив из землянок и подвалов прибрежных домов, заняли окопы, траншеи и, забыв об осторожности, открыли огонь, демаскируя свои пулеметы, минометы и даже пушки. С катера открыли пулеметный огонь, развернулись и, не прекращая стрелять, понеслись вниз по течению. Беспорядочная стрельба с берега усилилась. На следующее утро «прогулка» повторилась. Еще раз проскочили под самым носом гитлеровцев. Вот почему, когда был получен приказ форсировать Днепр, для Михаила Афанасьевича на том берегу белых пятен не осталось. Для него было все ясно. Вот сюда, к пристани, он батальон не поведет. Тут густая сеть пулеметных и минометных гнезд, прочные инженерные сооружения. Пусть артиллерия этим участком займется. Вправо тоже нечего делать — уж слишком открытая там местность: выведешь батальон и погубишь — скосят его гитлеровцы своим огнем. Он поведет своих солдат левее, туда, где река делает едва заметный изгиб. Крут там берег, зато постройки нависли на Днепр. Вот за них-то он и зацепится. А там, дом за домом, квартал за кварталом, и к центру подберется.

Решив так, Золотухин приказал командиру первой роты лейтенанту Бахтадзе с приданным ему взводом высадиться влево за мыском, занять прибрежные домики и развивать успех. Лейтенанту Глухову с приданной ему минометной батареей, держась локтя автоматчиков Бахтадзе, высадиться на западную

кромку мыска и вырваться на улицу, ведущую к центру города. Третьей роте под укрытием артиллерийского огня демонстрировать высадку в лоб.

— Побольше шуму, треску. Отвлеките внимание противника, а мы тем временем пересечем Днепр и, как снег на голову, свалимся.

— Есть, побольше шума, — пообещал командир роты.

— Да смотри, не лезь в пекло. Опомнятся гитлеровцы, бросятся на нас, вот тут ты и высаживайся. Понимаешь? Все надо делать внезапно, неожиданно для врага. А уж коль высадился, то действуй смело, решительно.

— Ясно, товарищ капитан.

Приказывая командирам рот действовать смело и решительно, Михаил Афанасьевич по своему опыту знал преимущества внезапного удара. На память пришел жаркий бой под Армавиром. Его батальон первым ворвался тогда в город. Он с командиром пулеметной роты лейтенантом Михаилом Плюнниковым шел в передних рядах атакующих. Атака развивалась так, как было предусмотрено. И вдруг навстречу сильный пулеметный огонь. Движение батальона замедлилось. Цепи стали редеть. Малейшее промедление — и атака сорвется. И вот в эту критическую секунду комбат Золотухин, лейтенант Плюнников и двое бойцов вскочили на тачанку. И, как бывало в гражданскую, лихо врезались во вражеские цепи. Зататакал видавший виды русский «максим». Словно поддакивая ему, заухали разрывы лимонок. Вражеские пулеметы захлебнулись. Послышалось грозное «ура». Батальон навязал гитлеровцам ближний бой.

Прикладами и гранатами выбивали фашистов из каждого дома и подвала. Не легче было и в Черкасске, куда также первым вошел батальон Золотухина. И вообще с некоторых пор в полку повелось так: где труднее, там и его батальон. Вот и сейчас он опять первым форсирует Днепр.

Переправа началась так, как продумал ее комбат. Только первые вспышки разрывов осветили вражеский берег, как на левом послышался шумок: бойцы третьей роты нарочито шумно сталкивали в воду плоты и лодки и даже покрикивали. Уловка удалась. Вражеский берег ожил. Над рекой повисли ракеты-фонарики. Заговорила вражеская артиллерия. Гитлеровцы приготовились отражать атаку не где-нибудь, а именно здесь.

Тем временем рота Бахтадзе и Глухова в километре ниже бесшумно столкнула в воду плоты, лодки и катерок. Весенняя ночь разом окутала их.

Темно. Не видно ни соседних лодок, ни плотов. Они

угадываются по приглушенным всплескам да монотонным ударам волны, бьющейся о борта.

Справа слышны артиллерийские залпы. Комбат улыбается: славно взяли фрицев на приманку. Пусть огрызаются, а мы потихоньку да помаленьку к городу подберемся.

Сквозь предутренний сумрак уже маячили темные силуэты прибрежных зданий. Гребцы налегли на весла. Вот уж совсем близок желанный берег. И вдруг зло и торопливо застрочили вражеские пулеметы. Рядом в лодке кто-то пронзительно крикнул. Было слышно, как, вырвавшись из рук бойца, весло шлепнулось в воду. Золотухин уперся руками в борта лодки, крепко, до боли, сжал их. Вперед! Вперед, ребята! Жми на весла! Жмите, жмите, дорогие друзья! Нет, он этого не сказал. Да и нужно ли было говорить? Нужна ли была в эти минуты команда? Плоты и лодки, выжимая из гребцов последние силы, неслись к вражескому берегу. Вот к песчаной косе пристала первая лодка, вторая, третья… Михаил Афанасьевич видел, как на мелководье выпрыгнул его заместитель по политчасти старший лейтенант Рыжков и, увлекая за собой бойцов, метнулся на откос реки. Его тотчас догнал легкий на ногу и вспыльчивый, как порох, лейтенант Бахтадзе. В одно мгновение они скрылись за стеной подступившего к берегу дома. Подо дном лодки комбата зашуршал песок. Михаил Афанасьевич выскочил на мелководье, сделал несколько шагов и очутился на волглом песке. Перед ним вырос связной.

— Товарищ капитан, первая рота заняла три дома.

— Хорошо, — облегченно вздохнул комбат.

— Вторая рота без потерь высадилась, заняла окраину улицы и ведет бой, — подхватил подбежавший телефонист. — Товарищ капитан, куда тянуть провод? Где будет ваш командный пункт?

— Тяните в первую роту. Там старший лейтенант Рыжков. Он и укажет место.

Михаил Афанасьевич поправил кобуру ТТ и зашагал в ту сторону, где нарастал бой. Ряды защитников плацдарма заметно таяли. К концу третьего дня осталось всего тридцать пять человек.

Но стойко держался плацдарм. Свыше пятидесяти яростных атак противника отбили советские чудо-богатыри, но ни на шаг не отступили. 13 марта 1944 года город Херсон был очищен от фашистов. Прошло еще 25 дней. Развивая наступление, батальон Золотухина, уничтожив свыше 200 гитлеровских солдат и офицеров, захватив 600 автоматов и винтовок, 10 орудий разного калибра, 22 пулемета и миномета, 30 автомашин, конный обоз и, пленив 150 фашистских солдат и офицеров, первым ворвался на

окраину Одессы.

Перерезав пути отхода крупной гитлеровской группировке войск, Золотухин навязал гитлеровцам невыгодный для них уличный бой. Михаил Афанасьевич в тем бою лично уничтожил расчет противотанкового орудия, захватил вражеский пулемет, развернул его и ураганным огнем прижал густую цепь фашистов, ринувшихся в атаку.

За проявленное личное мужество и героизм, за умение малыми силами разгромить превосходящие силы врага, Михаил Афанасьевич был награжден орденом Александра Невского. А вскоре в дивизии и в полку распространилась весть о том, что за дерзкий ночной рейд и освобождение города Херсона Михаилу Афанасьевичу Золотухину, Григорию Георгиевичу Бахтадзе, Георгию Тамразевичу Акопьянцу, Владимиру Митрофановичу Добросоцких, Александру Петровичу Дорофееву, Павлу Михайловичу Кутепову, Николаю Никитовичу Субботе, Ивану Игнатьевичу Тышкуну и Георгию Давидовичу Шенгелия присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны еще семь лет отдал Михаил Афанасьевич службе в армии. Демобилизовался он в 1952 году. Вернулся на Урал, в Златоуст, на металлургический завод. Там он работает и сейчас мастером.

ПЯТЬ ОГНЕВЫХ ДНЕЙ

Газиз Гибадуллович Мурзагалимов **родился в 1923 году, в Накаевском ауле Аргаяшского района Челябинской области, член КПСС, участник битвы под городом Калинином и Курском, на Днепре и на Буге, на Днестре и Висле.**

Артиллерийский расчет Газиза Мурзагалимова первым форсировал Днепр в районе села Перевалочная, юго-восточнее города Кременчуг.

Пять дней мужественные артиллеристы защищали плацдарм. В неравном бою погибли многие бойцы расчета, остались двое: Газиз и наводчик Казанцев, оба раненые, но поля боя не покинули. Плацдарм был удержан. Наши войска получили возможность переправиться за Днепр.

В ночь с 4 июля 1943 года на 5-е батарея старшего лейтенанта Бондаренко заняла позицию юго-западнее Белгорода, с задачей прикрыть железную дорогу, идущую от Харькова. Это был самый важный участок на левом фланге Курского выступа. Расчеты тут же приступили к оборудованию огневых позиций. Особенно прилежно работал со своими людьми Газиз Мурзагалимов. Задолго до рассвета его орудие было в окопе. Вырыли ровики, заскладировали снаряды, все тщательно замаскировали, Мурзагалимов подал команду отдыхать.

— Есть, отдыхать, — отозвался заряжающий Хамидов.

— Неплохо бы храпануть минут триста, — потягиваясь, сказал наводчик Казанцев.

— Це добре, — откладывая саперную лопатку в сторону, согласился подносчик снарядов Петренко.

Газиз улыбнулся. Да и как не улыбнешься? В его расчете

собрались представители чуть ли не всех национальностей Советского Союза: русский и украинец, белорус и узбек, казах и мордвин, башкир и армянин…

Все они мастера меткого огня, все закаленные бойцы. Сейчас, перед боем, в окопе они размечтались, каждый о своем.

— Разобьем фрица — вернусь на Урал и на завод, — произнес Казанцев.

— А моя дума — отарщиком или агрономом, — Хамидов прикрыл глаза, словно перенесся в родные казахские степи. — У нас простор широкий… Скот разводить надо, хлеба побольше сеять, чтобы все сытые были.

— А я, братки, — заговорил Петренко, — в армии останусь. В военную школу пойду… — И вдруг осекся: со стороны железнодорожного полотна нарастал шум, свист. Потом прямо над головами солдат пролетел снаряд.

— К орудию! — крикнул Мурзагалимов.

Начался бой. Из-за курганчика, что маячил справа, выползли танки.

«Во фланг ударят», — подумал Газиз и чуть было не подал команду развернуть пушку. Но в это время два танка, не переставая стрелять, двинулись прямо на окоп.

— Казанцев, не моргать!

— Есть, не моргать, — отозвался наводчик, не отрывая глаз от панорамы.

Танки все ближе. Но Казанцев не стреляет, ждет команды. Газиз молчит. Он знает, что лобовую бронь «тигра» не враз возьмешь. Вот если бы он борт подвернул. И вдруг на пути «тигра» — огромная воронка. Танк сворачивает в сторону…

— Огонь! — взмахнул рукой Мурзагалимов.

«Тигр» зачадил. Но ему на помощь пришел второй. Гитлеровец бил метко. Все плотнее и плотнее ложились снаряды вокруг пушки. Вот один брызнул осколками совсем рядом. Тяжело раненный Хамидов со стоном опустился на дно окопа. Его место занял Казанцев. Газиз сам становится на наводку. Началась дуэль между «тигром» и 76-миллиметровой пушкой. Двенадцать снарядов выпустил Мурзагалимов по фашистскому зверю, а тот, как заговоренный. Газиз ясно видит смотровые щели танка, ему чудится звериный оскал гитлеровца, все громче и громче раздается скрежет гусениц — они вот-вот сомнут, вдавят в землю мурзагалимовскую пушку.

— Казанцев, подкалиберный!

— Есть, подкалиберный!

«Тигр» закрутился на одной гусенице. Еще выстрел — и над танком взметнулся столб черного дыма. — Вот так мы

расправляемся с непрошеными гостями, — улыбнулся Газиз и провел ладонью по потному лицу.

Г. Г. Мурзагалимов.

Но недолгой была передышка: показался новый «гость» — «фердинанд» — закованная в броню пушка.

После этой жаркой схватки на груди у Газиза Мурзагалимова заалел орден Красной Звезды. Засеребрились медали «За отвагу» и у Казанцева с Хамидовым.

Октябрь 1943 года расчет старшего сержанта Мурзагалимова встретил на левом берегу Днепра. Было это в районе села Перевалочное, неподалеку от города Кременчуг.

Переправа началась с наступлением сумерек. Из кустов лозняка потянули лодки, шлюпки, бревна, мотки проволоки. В полночь оттолкнулись первые плоты. На одном из них вместе с пехотинцами отчалила мурзагалимовская пушка.

Как ни тихо, ни осторожно приставали к берегу советские воины, но их услышали: из-за валуна полоснул пулемет. Расчет Мурзагалимова быстро изготовился к бою, и вражеский пулемет замолчал.

Артиллеристы окопались. Чуть забрезжил рассвет, началась жаркая схватка. Вот показался бронетранспортер. Казанцев первым снарядом подбил его. И, словно спеша навстречу гибели, из-за пригорка вынырнул второй и тоже был подбит. Обозленные неудачей гитлеровцы открыли артиллерийский огонь. В воздухе

показались самолеты. Пришлось менять огневую позицию. А тут еще под прикрытием танков пошли гитлеровские автоматчики. Артиллеристы открыли огонь, но танки продолжали идти.

— Не берет, — с огорчением сказал Казанцев.

— А ты не горячись. Возьмет.

— Есть, не горячиться, — отозвался наводчик и, исправив наводку, выстрелил. Один танк остановился, из него тотчас повалили клубы черного дыма.

— Бей по второму! — крикнул высунувшийся из окопа командир взвода автоматчиков.

Его окрик потонул в грохоте выстрела. Второй танк попятился, подставляя борт. Казанцев замешкался. Мурзагалимов подбежал к пушке, отстранил наводчика, сделал доводку. Последовал выстрел. Охваченный пламенем встал второй танк. Советские десантники открыли автоматный огонь. Девять раз в течение дня гитлеровцы поднимались в атаку, и каждый раз откатывались с большими потерями.

Но наиболее ожесточенное сражение началось рано утром на следующий день. Охватив полукольцом горстку советских храбрецов, гитлеровцы обрушили на нее всю свою силу артиллерийского огня. В небе появились самолеты противника. Многие окопы автоматчиков опустели. В расчете осталось только двое боеспособных. Ранен был и сам Газиз, но не покинул поля боя: встал за наводчика, а Казанцев подносил снаряды и заряжал.

И опять захлебнулась атака, попятился враг. И так пять дней и ночей. Мурзагалимов и Казанцев уничтожили три танка, два бронетранспортера, один броневик и более трехсот немецких солдат и офицеров. Приказ командования был выполнен, советские воины не только удержали плацдарм, но способствовали переправе наших войск на правый берег Днепра. Советские дивизии устремились на запад.

За этот подвиг и за совершенные ранее Газиз Гибадуллович Мурзагалимов 22 февраля 1944 года был удостоен самой высокой правительственной награды — ордена Ленина и Золотой Звезды Героя Советского Союза.

После войны Газиз Гибадуллович вернулся на родной Урал стал каменщиком-огнеупорщиком и вот уже не один десяток лет ремонтирует электроплавильные печи. Сейчас он работает в плавильном цехе Челябинского тракторного завода.

ЗВЕЗДА ГЕРОЯ НЕ ТУСКНЕЕТ

Герой Советского Союза *Степан Спиридонович Репин* (1906 г.) родился в Кировской области в семье крестьянина-бедняка из деревни Мокрецы Пижанского района. После окончания двух классов сельской школы четырнадцатилетний юноша переехал в Свердловск и стал работать плотником. В 1928 году комсомолец Репин — на стройке Уралмаша в должности десятника-строителя. В октябре 1931 года молодой мастер принят в ряды Ленинской партии. А еще через год партийная организация Уралмаша командировала его в Урало-Казахстанскую академию на курсы красных директоров.

После окончания курсов Степан Спиридонович получает направление в город Кыштым на должность директора фабрики, откуда и был в 1942 году призван в армию. Окончив курсы санинструкторов, старшина медицинской службы Репин зачисляется в 3-ю роту 3-го батальона 465-го стрелкового полка 167-й стрелковой Сумско-Киевской дивизии.

Коммунисты роты избрали его своим парторгом. Степан Спиридонович оправдал доверие коммунистов: в самые тяжелые и напряженные минуты боя он всегда находился рядом с бойцами, воодушевляя их на подвиг.

За мужество и отвагу, проявленную в боях за социалистическую Родину, Степан Спиридонович награжден орденом Красной Звезды и двумя медалями. Звание Героя Советского Союза ему присвоено 10 января 1944 года за форсирование Днепра.

…465-й стрелковый полк готовился к решительному броску.

«Парторга третьей роты к командиру полка! Старшину Репина к подполковнику Хоменко!» — послышалось на берегу.

И вот плечистый, подтянутый старшина перед подполковником. Крепко пожав широкую ладонь парторга, командир полка пригласил Степана Спиридоновича к столу, за которым сидело трое.

— Знакомьтесь и поговорим о деле, — раскидывая на столе трехверстовку, добавил подполковник.

Четверо склонились над картой.

— Вот здесь, — карандаш замкнул кривую линию вокруг заштрихованного четырехугольника, — оборона нашего полка. Напротив — Светоедово. Оно стоит на излучине Днепра. А это, — кончик карандаша пробежал по темно-синей ленте реки и остановился на чуть заметной точке, — остров. Он вплотную подходит к правому берегу и как бы нависает над флангом гитлеровцев. Ваша задача — проникнуть на этот остров и навязать гитлеровцам бой. А мы тем временем ударим на Вышгород, ну и поможем вам здесь. Действовать надо смело, решительно.

Командир полка сделал паузу. Внимательно посмотрел на ладную фигуру Репина. На секунду задержал взгляд на ухарски сдвинутой на висок пилотке и твердо добавил:

— Вас назначаю старшим группы.

Плыли молча. Лишь изредка, вглядываясь в ночную темноту, Степан Спиридонович чуть слышно командовал: «Взять вправо! Прямо! Левее, левее держи!»

Бесшумно крутится катушка. За лодкой тянется невидимая нить телефонного кабеля. Четверка отважных почти у цели. Еще несколько взмахов весел, и плоскодонка ткнется в песчаный берег. Предчувствуя это, Степан Спиридонович подался вперед. В это время в черноту ночи врезался целый десяток осветительных ракет. Стало светло, как днем. Десантники едва успели упасть на дно лодки — рядом шлепнулась мина.

— Ребята, нажмем! — скомандовал Репин.

Позади опять мина. Взрывная волна подхватила плоскодонку, та, накренившись, чуть не пошла ко дну. Но Репин вовремя взялся за весло, подбадривая бойцов:

— Держись, ребята! Только вперед!

С. С. Репин.

Где-то поодаль разорвался снаряд. Ухнула мина. Просвистели осколки.

— Проскочили, — прошептал Степан Спиридонович и почувствовал, как плоскодонка натолкнулась на что-то твердое. Потом послышалось шуршание песка. Лодка прочно встала между кустами ракитника, на той земле, которая у командира полка обозначена огневой точкой, способной прикрыть переправу батальона с фланга. Прошло еще несколько минут, и по телефонной жилке побежали позывные с острова.

— Я «Киев», «Киев». «Роза», вы меня слышите? «Роза»! Мы на месте. Дом свободен.

«Молодцы! Держитесь, пополнение будет», — послышалось в трубке. Телефонист положил трубку и передал ответ Степану Спиридоновичу.

Репин взялся за саперную лопату. Его примеру последовали остальные. Быстро оборудовали огневую и повели наблюдение. По тому, как на правом берегу то и дело вспыхивали осветительные ракеты и яркие лучи прожекторов метались по реке, ощупывая каждый куст на берегу, каждый камень, воронку, чувствовалось, что гитлеровцы нервничают и готовятся к прочесыванию островка.

Лишь только рассеялся утренний туман, то тут, то там стали лопаться мины. До взвода автоматчиков бросилось к лодкам,

чтобы пересечь узкую протоку и ворваться на островок. Четверка отважных встретила их пулеметным и автоматным огнем. Враг откатился. Но тут же налетел снова.

После того, как в пятый раз была отбита атака, наступила передышка. Но она длилась ровно столько, сколько потребовалось, чтобы передать на левый берег, что остров не сдается. На этот раз гитлеровцы решили окончательно расправиться с советскими бойцами, так дерзко ворвавшимися на безымянный островок. Со всех сторон рванулись к острову переполненные фашистами лодки.

— Товарищи, биться насмерть! — твердо сказал Репин, а сам припал к микрофону.

— «Роза»! Я «Киев», я «Киев». Гитлеровцы ворвались на остров, дай огонь на меня. «Роза», ты меня слышишь? Огонь на меня! Огонь!

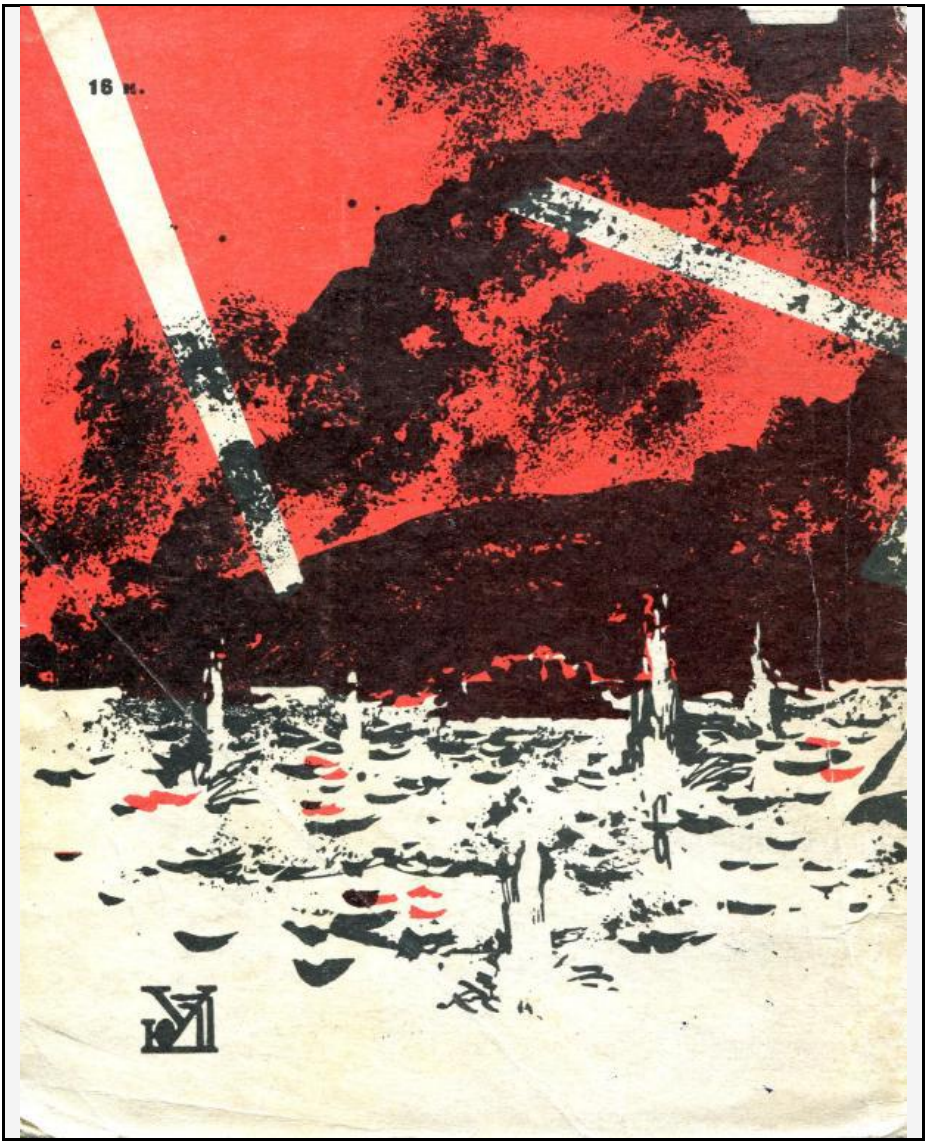
> «Жаркий был этот бой, — вспоминает Степан Спиридонович, — мы оттянули на себя массу войск, техники. И это дало возможность третьему батальону на подступах к Вышгороду форсировать Днепр. А наш сосед слева, второй батальон, переправился у Светоедова и ударил по гитлеровцам с фланга».

Взятый в огненные клещи противник, теряя живую силу и технику, оставил днепровские кручи. Дивизия, корпус, а затем и вся армия перешли в наступление, вышвыривая гитлеровскую нечисть с советской земли. Но в строю наступающих не было парторга третьей роты старшины Репина. На том безымянном острове он был ранен и эвакуирован в госпиталь.

Четыре месяца провел Репин на больничной койке. Две тяжелых операции. И вот зарубцевалась рана, но на фронт, где сражались однополчане, Степан не попал: не действовала левая рука.

Ранней весной 1944 года старшине Репину дали инвалидность. Неделя утомительного пути — и Кыштым. День, только один день на отдых с семьей — и в райком партии: бывший строитель Уралмаша вернулся к мирным делам. Теперь к орденам Ленина, Красной Звезды и Золотой Звезде Героя прибавилась медаль «За трудовую доблесть».

Степану Спиридоновичу за шестьдесят, он персональный пенсионер — частый гость в цехах завода, в строительных бригадах, в школах. Да и как не бывать на производстве, когда его рабочее дело продолжают сыновья Ратмир и Сергей. Дочь Нина заведует учебной частью в одной из школ Кыштыма.



notes

Примечания

1

Архив МО СССР, оп. 793 756, д. 38, л. 25.

2

Там же.

3

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793 756, д. 23, л. 396.

4

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793, д. 8, лл. 82—84.

5

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793, д. 8, лл. 82—84.

6

Центральный военно-морской архив, ф. 3, оп. 2422, д. 11, л. 42.

7

Центральный военно-морской архив, ф. 3, оп. 2422, д. 11, л. 42.

8

Архив ЦВМА, ф. 475, оп. 0020176, л. 128.

9

Архив ЦВМА, ф. 3, оп. 2422, д. 21, лл. 73—74

10

История Великой Отечественной войны, т. 3, стр. 306.

11

Там же, стр. 332.

12

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793756, д. 6, л. 363.

13

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793756, д. 7, л. 140.

14

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793756, д. 7, л. 140.